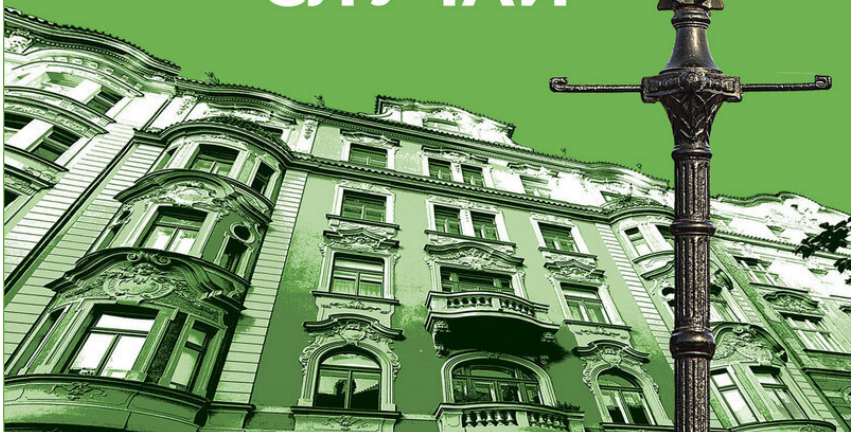

ОДЪГА

ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВО
СЛУЧАЙ

Ольга Геннадьевна Володарская

Его величество случай

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=576105

Его величество случай: Эксмо; М.:; 2011
ISBN 978-5-699-47052-5

Аннотация

Что может быть общего между социальным работником, звездой эстрады, гламурной стервой, известным политиком и криминальным авторитетом? Казалось бы, ничего! Но жизнь столкнула их после смерти пенсионерки Элеоноры Георгиевны Новицкой. Старушку жестоко убили из-за коллекции старинных украшений князей Шаховских, которую та тщательно спрятала...

Об этом Аня Железнова узнала, когда было оглашено завещание покойной. Новицкая оставила свое имущество именно ей! Но про бриллианты в документе не было ни слова. А в тайном послании к Ане – да. Элеонора Георгиевна зашифровала план поиска коллекции, только успеет ли девушка найти ее? Слишком много людей считает, что имеет больше прав на сокровища...

Содержание

Часть I	4
День первый	4
Анна	4
Ева	11
Эдуард	18
Елена	23
Анна	32
День второй	48
Ева	48
Аня	54
Эдуард	58
День третий	63
Елена	63
Аня	71
День четвертый	79
Ева	79
Дусик	83
Аня	90
Часть II	97
День первый	97
Аня	97
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ольга Володарская

Его величество случай

Часть I

Старуха умерла!

День первый

Анна

Аня отворила ободранную, держашуюся на одной ржавой петле дверь. Вошла в знакомый подъезд с вечно текущей батареей, расписанными матом стенами, заплыванным бетонным полом. Поднялась по плохо освещенной лестнице на четвертый этаж. Остановилась у обитой коричневым дерматином двери. Позвонила. И стала ждать, когда за дверью слышатся тихие шаркающие шаги. Хотя бабуля плохо ходила и была глуховатой, она открывала почти тут же, не иначе сидела в прихожей на табуреточке и ждала свою Анюту.

Но на сей раз Аня знакомых шагов не услышала. За дверью вообще стояла гробовая тишина. Странно! Даже если

бабуля сидит не в прихожей, а в комнате, она должна хотя бы крикнуть, как всегда: «Иду, иду, девочка!» И радио молчит. Обычно бабуля слушает радио, она, может, и телевизор посмотрела бы, да нет его в бедной старухиной квартире. В ней вообще нет ничего, кроме допотопной мебели и старого дребезжащего холодильника. Ни телевизора, ни телефона, ни даже плиты – Элеонора Георгиевна греет свой скудный обед на примусе. И родственников у старушки нет. Есть только Аня, работница собеса, помогающая за мизерную плату одиноким старикам.

Аня устало привалилась к стене, опустила тяжелую сумку с провизией на пол. Как же она вымоталась! Сначала в собес за авансом, потом на рынок за продуктами (у старух на харчи из супермаркетов пенсии не хватает), следом на почту: одна из подопечных выписывает какую-то коммунистическую газету, а из ящика ее постоянно воруют – кому-то, видно, нечем зад потереть. После обеда по бабкам пошла: у коммунистки была – газету отдала; у кошатницы – кильку кошкам принесла; у скандалистки – достала ей брошюру «Права потребителя», чтобы впредь права качала аргументированно.

К ужину вот до своей любимой бабульки добралась, до Элеоноры Георгиевны.

Да, Элеонору (бабу Лину) Аня любила. Она была единственной из подопечных, кто ее не раздражал. Остальные склочные, капризные, желчные, жадные – каждую копейку

считают и нороят тебя в краже этой копейки обвинить. А баба Лина добрая, ласковая, приветливая и гостеприимная. Почему, интересно, такая милая женщина осталась одинокой? Ни мужа, ни детей, ни внуков. Даже помочь некому...

Аня позвонила еще раз, уже настойчивее. Уж не случилось ли что с бабулей? Все же старый человек, к тому же больные ноги, сахарный диабет и шумы в сердце. Вот если плохо старушке стало, что делать? «Скорую» вызвать неоткуда. Соседи, алкаши запойные, давно от своих телефонных точек отказались, а единственная приличная бабка, проживающая в подъезде, чужим дверь не открывает, даром что Аню сто раз видела и знает, к кому она ходит.

«Жаль, что нет сотового телефона, – подумала Анна. – Как бы сейчас пригодился!» Старый аппарат, который она за копейки купила в магазине подержанных товаров, находился в ремонте, а новый она себе позволить не могла... Собственно, чего лукавить? Она себе не могла позволить даже нового пальто, сапог или шапки. То, что на ней сейчас (драповая хламида с мутоновым воротником, дерматиновые боты, мохеровый берет), куплено в комиссионке и социальном магазине еще в прошлом году. Нищенка из коммуналки – вот кто такая Анна Железнова. Рвань и дрянь. По-другому ее и не называли. Ни мать-покойница, ни одноклассники, ни соседи, ни случайные знакомые, ни она сама... Только бабуля величала ее «девочка», «милая», «красавица»... А ведь Анна на самом деле почти девочка – только двадцать три стукнуло,

почти милая – никому за свою жизнь ничего плохого не сделала, почти красавица – если причесать ее, приодеть да еще дать отоспаться... Ух какой бы Анна красавицей стала!

...Сумка с продуктами, до сего момента спокойно стоявшая на полу, накренилась – это большая банка сгущенки (любимое бабулино лакомство) упала набок и, повалившись, потянула за собой всю котомку. Аня наклонилась, чтобы ее перехватить, да так и застыла в полупоклоне...

Дверь оказалась незапертой!

В голове тут же пронеслось – такого не может быть! Баба Лина *всегда* запирает дверь. Всегда! Причем на три запора: на ключ, цепочку и щеколду. Аня даже считала это манией. Ну зачем, спрашивается, так баррикадироваться, если самое ценное, что есть в квартире, это холодильник «Днепр» 1970 года выпуска?

Но сегодня дверь была не заперта. Более того, она оказалась чуть приоткрыта. Совсем немного, Аня этого сначала и не заметила, но теперь, прислонившись лицом к дерматиновой обивке, увидела щель. Из нее пробивалась узкая полоска света и слабый запах квартиры. Аня очень хорошо его помнила, потому что он, этот запах, был неповторим. Дома других старух пахли либо пылью, либо сыростью, либо хлоркой, либо кошачьей мочой. И только Лина квартира была пропитана неожиданно-прекрасными запахами: дорогой кожи, элитных сигар, терпкого вина и еще чего-то неуловимого... И как ни пыталась Анна уговорить себя, что ей это

только чудится, ничего не получалось – она была уверена, что именно так пахнет во дворцах.

Бабулина халупа источала аромат роскоши!

Аня присела на корточки, сунула указательный палец в щель и немного приоткрыла дверь. Света стало больше. Зато запах исчез, будто выветрился.

Через образовавшуюся щель Аня смогла разглядеть узкую, устланную домотканой дорожкой прихожую: одностворчатый шкафчик в углу, тут же ящик для обуви, рядом тот самый табурет, на котором баба Лина любила сидеть, поджидая свою Анечку, на стене мутное зеркало, и дверь в самом конце коридора, которая вела в шестиметровую кухню... Вот у этой самой двери Аня и увидела Элеонору Георгиевну...

Она лежала на полу спиной к прихожей. Ее худенькие плечи, обтянутые вязаной шалью, были приподняты, словно она пожимает ими. Голова низко опущена на грудь, виден только седенький пучок на затылке. Ноги в коротких валеночках (у нее всегда мерзли ноги!) поджаты под себя.

– Бабуля, – шепотом позвала Аня и бухнулась на колени. – Баба Лина...

Элеонора Георгиевна не пошевелилась.

Аня, не вставая с коленей, на четвереньках поползла к лежащей на дощатом полу старушке. Расстояние до нее было метра три, но у Анны все никак не получалось его преодолеть. Ей казалось, что ползет она очень быстро, так быстро,

что штаны на коленях изорвались вдрызг, но добраться до несчастной кухонной двери у нее не получалось...

Наконец Аня приблизилась к сухонькому телу так близко, что смогла дотянуться до острого старушечьего плеча. Аня обхватила его ледяными пальцами, потрясла, потянула на себя...

– Бабулечка, вставай, простудишься, – зашептала Аня, приблизив губы к прикрытому седыми прядями уху. – Вставай же...

И резко дернула Элеонору Георгиевну на себя.

Тело старушки перевернулось и с глухим стуком шмякнулось на спину.

Аня отпрянула. Она увидела пустые глаза, скрюченные пальца, перекошенный рот. Глаза, пальцы и рот мертвого человека.

Бабуля умерла!

Не может быть! Почему? Как же теперь она, Аня, будет жить без Элеоноры Георгиевны? Кто, кроме бабы Лины, назовет ее «девочкой»? Кто угостит вареной сгущенкой? Кто расспросит, пожалеет, посоветует?

Аня заскулила, неумело глядя старушку по мягким, как пух, волосам, по сухоньким плечикам, по морщинистым рукам. Она склонилась над ее бледным лбом, чтобы поцеловать на прощание, как вдруг замерла... Она увидела нож, торчащий в плоской, почти девичьей груди Элеоноры. Нож? Аня не верила своим глазам. Что может делать он в груди без-

обидной старухи? И ладно бы ширпотребовский кухонный нож или самопальный тесак, но тот, что торчал в Элеонориной груди, был совсем другой породы. Аристократ! Красавец! Произведение искусства! Элегантная рукоятка из желтого металла, выполненная в форме обвитого змеей дерева. Крона (навершие ножа) облита зеленой эмалью, тело змеи так искусно обработано алмазом, что каждая чешуйка сверкает, а ее преувеличенно большие глаза переливаются драгоценным блеском – каждый из них был не чем иным, как камнем, похоже, изумрудом. Единственное, что портило красоту кинжала, – это кровь, капли которой попали на сверкающее тело змеи...

Значит, баба Лина не умерла – ее убили! Аня от ужаса всхлипнула и резко отползла от тела. Убили! Безобидную старую женщину зарезали антикварным кинжалом! Такого не бывает!

Аня все пятилась, быстро перебирая ногами, и никак не могла оторвать взгляда от загадочно сверкающего змеиного глаза на рукоятке кинжала. Наконец она ткнулась спиной во входную дверь. Добралась! Теперь бежать отсюда. Скорее! Аня начала медленно подниматься с коленей, она почти их разогнула, даже успела вцепиться в ручку двери, не успела только покинуть квартиру, так как в тот миг, когда она собралась это сделать, *тишину разорвал пронзительный телефонный звонок.*

Сердце Ани содрогнулось и ухнуло в пропасть. Не может

быть! Этого не может быть! В квартире нет телефона! Но откуда тогда такой трезвон? Слишком громкий, чтобы раздаваться из другой квартиры. И слишком настойчивый, чтобы его проигнорировать... Как загипнотизированная, Аня пошла на звук, осторожно продвигаясь в сторону комнаты.

Телефон стоял на тумбочке в самом углу спальни. Такой же старый, как все здесь: мебель, ковры, книги. Дряхлый телефон на дряхлой тумбочке. Только раньше его не было. Или был, но хозяйка его прятала. Вопрос – зачем?

Дрожащей рукой Аня подняла трубку.

– Алло, – хрипло произнесла она. – Алло.

– Элеонора Георгиевна? – прошелестел кто-то на другом конце провода. Неясно, мужчина или женщина.

– Нет.

– А можно ее? – вкрадчиво попросил голос.

– Нет.

– Почему?

– Она умерла, – выдохнула Аня в трубку, после чего рухнула на пол, потеряв сознание.

Ева

Ева припарковала свой огромный черный джип у самого подъезда. Она всегда так делала, ей было плевать на то, что ее внедорожник перекрывает проезд другим машинам, пусть где хотят, там и проезжают, а она не намерена пачкать свои

роскошные сапожки в грязи.

Она выбралась из автомобиля, включила сигнализацию и, прежде чем войти в подъезд, привычным жестом погладила хромированный бок своего джипа. Ева его обожала. Пусть ей все твердили, что эта махина не для нее, что такой элегантной утонченной даме больше подойдет «Инфинити», «Порше», «Ягуар», «Лексус», но она была на сто процентов уверена, что мощный черный «Ренд Ровер» именно ее автомобиль. А все эти «Порши» и «Ягуары» созданы для глупых блондинистых сучек, скороспелых жен нуворишей, которые ни черта не понимают в жизни. Ева и сама была блондинистой сучкой (пардон, сукой, отпетой сукой), но далеко не глупой. С такими мозгами, как у нее, можно поступить в престижный институт, защитить диссертацию, сделать карьеру, но Ева не собиралась тратить свою молодость на такие глупости... Она и без аспирантур знала, как добиться успеха в жизни. Главное, не расслабляться: не показывать своих страхов, опасений, слабостей, еще надо уметь врать, изворачиваться, бить по больному, не брезговать подлостью и быть всегда красивой. Все! Больше умной женщине никакие навыки не нужны, кроме разве что досконального владения техникой секса...

Вот чем-чем, а этой техникой она владела в совершенстве. Ева знала, как раззадорить, соблазнить, ублажить мужчину. Еще знала, как вытрясти из раззадоренного, соблазненного, ублаженного большие деньги. Все, чем она владела, за

исключением квартиры, доставшейся ей от бабки, – брюлики, гардероб, машина, техника, новый бюст, – Еве подарили ее козлики (так она называла своих любовников). Мужчины Еву боготворили. За магнетизм, сексуальность, раскрепощенность, за стиль, красоту, стервозность наконец. Но особенно, конечно, за красоту. Ева была не просто хороша собой, она была прекрасна... как скандинавская богиня. Высокая, длинноногая, с копной платиновых волос и васильковыми глазами, она неизменно вызывала восхищение. У нее было много романов, каждый из них принес ей немалую выгоду, но ни один не закончился свадьбой. И не потому, что ей не предлагали выйти замуж, отнюдь... Просто Ева терпеть не могла условности, ненавидела ограничения и, что греха таить, презирала мужчин. К женщинам она, впрочем, тоже особой симпатии не питала, но дело не в этом...

«Зачем нужен брак? – недоумевала она. – На кой черт? Чтобы какой-то козел посадил тебя в клетку, пусть и золотую, и требовал послушания, верности, уюта в доме и отчета обо всех тратах». Нет, Еву такая жизнь не привлекала...

Ей тридцать один. Хороший возраст, самый лучший: еще ничего не висит, не морщится, не седеет, не выпадает, но уже пожила, уже личность. И капиталец нажит не слабый. Еще пару годков, и можно будет послать всех этих разновозрастных богатых козлов к чертовой матери, открыть свое дело и зажить припеваючи, снимая себе на субботние вечера юных кобельков...

Ева вошла в подъезд, поигрывая ключами, прошествовала к лифту. Мимо нее, привычно бурча ругательства, просеменила соседка – генеральша Астахова, старая гримза, единственная оставшаяся из прежних жильцов. Остальных расселили ушлые бизнесмены, возжелавшие жить в центре, выкупив у отставных вояк их обветшалые хоромы. Из старой гвардии только Астахова тут живет да сама Ева, генеральская внучка.

– Проститутка чертова... Опять свою тачку посередеь дороги поставила, – прокаркала Астахова, выглядывая на улицу. – Сколько ж можно повторять...

– Иди в жопу, старая карга, – лениво сказала Ева, заходя в лифт.

Еву забавляла старухина ненависть и ее вечное ругательство «проститутка чертова», будто сейчас кого-то такими словами обидишь. Тем более что проституткой Ева не была никогда. Профессиональная любовница, вот как она себя называла. Любовница! А не какая-то там шалава, пусть и высокооплачиваемая...

Лифт поднял Еву на второй этаж. Она вышла на вылизанную приходящей уборщицей лестничную клетку, подошла к двери своей квартиры, отперла ее и вошла, с удовольствием вдыхая привычный запах отчего дома. Как же давно она здесь не была! Целых три дня... Да, Ева тосковала по своей милой квартирке, как другие тоскуют по родителям, детям, мужьям, и совсем не могла спать вне своей спальни, поэто-

му она редко оставалась у любовников больше чем на сутки. В этот раз пришлось сделать исключение. Уж больно козлик был щедр... И шубку из шиншиллы подарил, и сумочку «Луи Вьюитон», и сережки с изумрудами, их, правда, придется вернуть в магазин – изумруды Ева терпеть не могла, но это, в конце концов, мелочи...

Она вошла в кухню, бросила на пол новое манто, включила любимый диск «Бах и звуки океана», налила в рюмку пятьдесят граммов перцовки, залпом выпила, занюхала комнатной орхидеей. Если бы кто-то из знакомых увидел, как светская львица Ева Новицкая хлещет плебейскую настойку, да еще и не закусывая, не поверил бы своим глазам, потому что госпожа Новицкая всегда пьет только коллекционное шампанское. На самом деле Ева его терпеть не могла, но, несмотря на отвращение, пила, и не только для имиджа, а еще и потому, что крепкие напитки кружили голову, «шипучка» же позволяла оставаться трезвой.

Налив в стопку еще немного настойки и прихватив со стола задубевший кусок медового кекса, Ева отправилась в гостиную. Там, удобно устроившись на мягком диване, она одним глотком выпила перцовку, закусила сдобным сухарем, после чего с удовольствием осмотрелась. Хороша у нее квартира, ничего не скажешь! Шикарная «трешка» в старинном доме, с эркером, высоченными потолками, настоящим дубовым паркетом и даже колоннадой. Конечно, в эту stodвадцатилетнюю старушку пришлось вложить кучу денег (одна за-

мена труб и батарей во сколько встала, не говоря уже о реставрации паркета и новых окнах!), но результат того стоил... Честное слово, стоил! Квартира теперь была чудо как хороша... И, самое главное, не похожа на все эти однотипные современные хаты в стиле хай-тек, напичканные пластиком, винилом, стеклом и уродскими светильниками. Евина квартира была другой: на стенах ткань, на полу дуб, на потолке лепнина с позолотой, вся мебель из натурального красного дерева, а аксессуары из бронзы или антикварного фарфора...

Даже страшно подумать, что когда-то она хотела весь этот хлам (тогда она еще не видела разницы между старьем и стариной) выкинуть на помойку... Было это семь лет назад, когда Ева только-только стала полновластной хозяйкой этой шикарной, но жутко запущенной квартиры и не знала, с чего начать, дабы привести ее в божеский вид. «Все выкину, – думала она, сдувая пыль с пузатого херувима, что стоял на жутком комод в углу гостиной, – все подчистую, а вместо этого безобразия поставлю шкаф «Стенли» и кровать с водяным матрасом». Помнится, она даже вытащила из квартиры журнальный столик с гнутыми ножками и собралась нести его на помойку, но, на счастье, по дороге ее перехватил какой-то чудной очкастый старик и предложил за него немислимую сумму в долларах. Ева, естественно, не продала, она всегда была девушкой практичной, вместо этого она отправилась к знакомому антиквару, который оценил кривоногий столик в

два раза дороже.

С того памятного дня прошло больше семи лет, но до сих пор Ева помнит, с каким восторгом она вернулась в свою захламленную квартиру, с какой нежностью пробежала пальцами по лакированной поверхности комода (середина XVIII века, как оказалось), с каким трепетом стерла пыль с херувима, с какой неожиданной радостью осознала, что все эти вещи, принадлежащие некогда русским аристократам, теперь ее, и с какой непоколебимой уверенностью решила – она с ними никогда не расстанется!

Слово свое она сдержала: ни одна мелочь, даже самая бросовая (паршивенькое начало XX века), не покинула ее квартиры. Даже глупая конфетница из горного хрусталя, которой она не очень дорожила, осталась стоять там же, где стояла всегда – на буфете. В принципе, и сам буфет ей не сильно нравился, уж очень был громоздок, но и его она не собиралась продавать. Не говоря уже о кривоногом столике, ее любимце, на котором так хорошо смотрелся белый ретротелефон...

Вдруг он зазвонил. Да так неожиданно громко, что Ева поперхнулась кексом, который машинально жевала.

– Вот хрень, – выругалась она сквозь зубы и, стряхнув с губ пахнущие медом крошки, взяла трубку. – Алло!

Ей никто не ответил. Из трубки доносилось лишь легкое потрескивание и далекая музыка.

– Что за ё-кэ-лэ-мэ-нэ? – рывкнула Ева в мембрану. – Але!

Опять молчание. И когда Ева уже собралась бросить трубку, на том конце провода неожиданно отчетливо прозвучало:
– Старуха умерла!

Эдуард

Эдуард Петрович Новицкий, побряхтывая, влез в салон своей машины. Пыхтя и вытирая пот крахмальным платком, уселся. Поерзав на сиденье, принял удобное для его грузного тела положение, откинулся на спинку, закрыл глаза. «Надо худеть, – в очередной раз подумал он, – иначе до шестидесяти не дотянуть». На красоту фигуры плевать, не до красоты нынче, в его возрасте главное здоровье, которое, как известно, не купишь... К сожалению... Иначе у Эдуарда Петровича было бы самое лучшее, самое молодецкое здоровье, потому что он дьявольски богат.

– Куда едем, Эдуард Петрович? – мягко спросил водитель, повернувшись к боссу всем корпусом, он знал, что хозяин любит, когда ему смотрят прямо в глаза.

– Давай в контору, – буркнул Эдуард, расслабляя ремень на брюках. Ему тяжело было сидеть с утянутым брюхом, вот и расстегнул, чтоб дышалось вольготнее. – Потом вернешься за Каринкой, сводишь ее к массажисту.

Каринкой он звал свою любовницу Каринэ, королеву красоты Армении, приехавшую в столицу дружественной России для того, чтобы стать звездой. Звездой она, понятное де-

ло, не стала, в Москве таких королев пруд пруди, зато отхватила себе богатого, доброго, а главное, совсем не требовательного любовника. Единственное, на чем настаивал Эдуард, так это на порядочности: то есть не красть, не врать, не изменять. Еще не пытаться «залететь» и не требовать регистрации отношений. Хочешь детишек и штампик в паспорте – ищи другого, а он в этом не помощник: слишком стар и слишком мудр, чтобы поверить в то, что голозадая молодуха полюбила его за красивые глаза, а не за счет в цюрихском банке... К тому же Эдуард уже был когда-то женат (супружница его, к сожалению, умерла молодой), и дети у него имелись (эти, неизвестно, к счастью или к сожалению, живы, здоровы), но ни жена, ни дети не сделали его настоящим семьянином. Он всегда был одиночкой. Волком-одиночкой! Вульфom – именно такое «погоняло» дали ему на зоне и именно так (за глаза, конечно) его называли до сих пор.

Сидел Эдуард Петрович три раза. Первая ходка была по малолетке, вторая уже в зрелом возрасте, третья сразу за второй. Освободившись в последний раз, Вульф поклялся себе больше не попадаться. Клятву сдержал, хоть для этого и пришлось пойти на пару заказных убийств.

Когда он сидел во второй раз, умерла жена, и дети, пацан и девчушка, остались на попечении его матери, женщины бескомпромиссной, волевой, властной, именно она запретила ребятам видеться с отцом, потому что такой папаша, по ее же

словам, детям не нужен. И дети согласились, они соглашались со всем, что вдалбливала им бабка... Эдуард вспомнил, как попытался однажды поговорить со своей дочерью. Было это давно, девчужке только-только исполнилось двенадцать, а он всего месяц как «откинулся» второй раз. Эдуард подошел к девочке, когда она возвращалась из школы (было двадцать пятое мая, последний звонок, и малышку, помнится, нарядили в банты и парадную форму), сказал, что он соскучился, хочет чаще ее видеть, что, несмотря ни на что, любит их с братом и мечтает с ними воссоединиться... И что же ответила на это его малолетняя дочура, его любимая, дорогая девочка? А девочка ответила так: «Ты вор и убийца. Я тебя ненавижу!» И потом еще добавила, что если он попробует подойти к ней еще раз, она вызовет милицию и скажет, что отец пытался ее украсть...

Эдуард Петрович больше с дочкой не виделся. И с сыном тоже: его мамаша, узнав о той встрече, срочно приняла меры – отправила детей на все лето в лагерь отдыха.

А по осени Вульф опять загремел в тюрьгу.

Чудны дела твои, господи! Всего двадцать лет назад он был вором и убийцей, а теперь солидный бизнесмен, глава концерна «Голд-трейд», миллионер, меценат и, что самое чудное, кандидат экономических наук...

Эдик покрутил перстень на толстом безымянном пальце (золото, бриллианты, большой изумруд в центре), он любил его крутить, чтобы полюбоваться игрой камней, но делал это

только наедине с собой, поскольку стоило повернуть печатку, как под ней тут же обнаруживалась татуировка. Сделал ее дурачина по молодости, а теперь прикрывай... Конечно, можно ее вывести, как он уже вывел три наколки: на груди, плече, запястье, но на пальце, говорят, особенно больно, а боли Эдик боялся...

– Эдуард Петрович, – подал голос шофер Шурик, – вы не забыли про сегодняшнюю поездку к врачу?

– Помню, – скупно улыбнулся Вульф. – Только не уверен, что поеду...

– Карина побьет дома все вазы, если узнает...

Эдуард расхохотался – Шурик прав, Каринка переколотит в особняке всю керамику, узнав, что ее любовник отказывается делать себе липосакцию, на которую она его месяцами уговаривала. А началось все, когда она узнала, что Эдик решил похудеть при помощи диеты. Кто в наше время голодает, кричала она, выкидывая в окно его завтрак (черствый рогалик, яблоко и тарелку шпината)! Только фанатики, дураки и бедняки! Богатые же люди, желающие похудеть, идут к пластическому хирургу, который под наркозом удаляет лишние жиры за пару часов! Три штуки баксов – и ты строен, как кипарис! Заодно и мне нос укоротим...

Поначалу Эдик с любовницей согласился. Хорошая же идея! Вшивые три штуки и пара часов безмятежного сна, зато какой результат! Но потом, когда увидел по телевизору, как проходит эта операция (оператор, снимавший ее, хлоп-

нулся в обморок, не дождавшись окончания), категорически отказался идти на такие муки. На них способны только женщины и артисты! Нормальный мужик такого издевательства над собой не выдержит... Но Каринка не отступала, с истинно восточным упорством она изо дня в день превозносила возможности современной пластической хирургии, перемежая восторженные речи упреками в трусости и заверениями в том, что худым она будет его любить еще сильнее.

В итоге Эдик сдался: пообещал сходить на консультацию к специалисту. Завтра же. И вот уже завтра наступило, а идти что-то не хочется...

Черт побери! Неужели в начале XXI века ученые так и не придумали ничего лучше, чем изуверская операция? Неужто для того, чтобы сбросить каких-то сорок килограммов, надо либо жрать траву и с утра до ночи колбаситься в тренажерке, либо ложиться под нож хирурга-пластика? Похоже, что так, ведь ни кодирование, ни биодобавки, ни массаж Эдуарду Петровичу не помогали...

От грустных мыслей о лишнем весе его отвлек телефонный звонок. Эдуард Петрович, сопя, словно гайморитчик, полез в нагрудный карман за мобильным, достал его и, не глядя на определитель, поднес его к уху.

– Да, – рыкнул он в трубку.

– Эдуард Петрович? – вкрадчиво спросил некто на другом конце провода.

– Я самый. Что вам?

– Мне ничего... – сдавленный смешок. – Просто я хочу сообщить вам нечто важное...

– Короче, – гаркнул Эдик, теряя терпение.

Повисла недолгая пауза, потом тот же вкрадчивый голос торжественно произнес:

– Старуха умерла!

Елена

Елена Бергман бросила на стол кейс, стремительным шагом прошла к окну и рывком открыла форточку (несмотря на то, что в офисе был установлен суперсовременный кондиционер, она любила проветривать помещение по старинке). Когда морозный воздух проник в комнату, она подошла к любимому кожаному креслу с широкими подлокотниками и с наслаждением в него опустилась. Сейчас посижу минут пять, сказала себе Елена, а потом опять за работу. Конечно, не мешало бы перекусить, но на обед времени нет – в четыре у нее пресс-конференция, а к ней еще надо подготовиться...

Дверь кабинета резко распахнулась, и на пороге возникла Ленина секретарша Любочка.

– К вам пришли, – доложила она, прикрыв за собой дверь.

– Кто?

– Тот скользкий тип из аппарата президента, которого вы вчера выгнали...

– Гони и сегодня, – решительно сказала Елена.

– А это ничего? Все же из аппарата...

– Так не сам же президент, – пожала плечами Елена, – так что гони смело. Скажи, я занята и освобожусь только на той неделе...

Любочка деловито кивнула аккуратно подстриженной головкой и вышла. А Елена тут же переместилась из кресла на стул – похоже, отдых закончился на четыре минуты раньше. Она включила компьютер, открыла файл с заготовленной речью (самолично написанной, никаких спичрайтеров она не признавала), пробежала текст глазами и осталась им довольна... Лучше бы получилось только у Жириновского, но с ним никто не сравнится.

Елена достала из стола папку с бумагами, разложила их, намереваясь просмотреть, но взгляд ее неожиданно наткнулся на плакат, висящий на стене. На нем была изображена она, депутат Государственной думы Елена Бергман, красивая пятидесятитрехлетняя женщина с серьезным лицом и отличной фигурой. Этот плакат повесила на стену Любочка, ей очень нравилось, как начальница на нем смотрится, самой же Елене фотография казалась неудачной, так как была явно ретушированной. Где мои мешки под глазами, спрашивала она у себя, только у глянцево-бумажной, где морщины, родинки? Конечно, без них она выглядит на десять лет моложе, но это уже не она... Елена никогда не скрывала своего возраста, не пыталась казаться моложе, чем есть, она не делала подтяжек (хотя в мире политики и мужчины не брезго-

вали пластикой) и даже волос не красила, оставляя стильный ежик седовато-пепельным... И при этом умудрялась отлично выглядеть в свои пятьдесят... За это ее обожали женщины предпенсионного возраста, именно они вознесли Елену на политический олимп.

Дверь в кабинет опять распахнулась, но на этот раз на пороге возникла не Любочка, а стройный высокий мужчина очень импозантного вида: в отличном итальянском костюме, шелковой рубашке, с гладко зачесанными каштановыми волосами и тонкими усиками над чувственным ртом.

– Душечка, – промурлыкал он, приближаясь к Елене с распростертыми объятиями. – Здравствуй, моя дорогая...

– Привет, – весело поздоровалась с пришедшим «душечка» и дала себя облобызать. – Как спал?

– Отлично. Просто отлично, – заверил он, после чего уселся в кожаное кресло и добавил: – Рюмка бренди на ночь – лучшее средство от бессонницы. Рекомендую.

– Я, Алекс, бессонницей не страдаю, ты же знаешь...

– Ты просто не спишь, – закончил за нее Алекс.

– Потому что мне жалко тратить время на сон.

– Леночка, в нашем возрасте спать надо как можно больше, это я тебе как врач говорю...

– Ты мне это и двадцать лет назад говорил, а тогда нам было только по тридцать с небольшим...

– Неужели нам сейчас по пятьдесят с хвостиком?! – при-
творно удивился Алекс. – Не может быть! Я себя чувствую

максимум на двадцать пять!

Елена невольно рассмеялась – только Алекс мог пустой болтовней поднять ей настроение. Наверное, именно поэтому она и вышла за него замуж.

– Вечером мы идем на прием, – строго проговорил Алекс, мигом став серьезным. – Надеюсь, ты не забыла?

– Забыла, – созналась Елена. – А можно не пойти?

– Нельзя, – отрезал он, иногда Алекс мог быть непоколебимым. – Прием дают в твою честь, не прийти – значит смертельно обидеть хозяина. А тебе лучше, чем мне, известно, что он финансирует вашу партию...

– Ладно, я приеду, только с опозданием.

– Естественно. – Алекс широко улыбнулся, сверкнув отличным фарфором. – Королевы должны опаздывать.

– А про то, что точность вежливость королей, ты забыл?

– Пережитки прошлого, – махнул своей аристократичной ладонью Алекс. – А мы-то с тобой люди современные...

Елена кивнула, да, они люди современные, иначе она не смогла бы позволить мужу сидеть дома и не работать, а она позволяла, так как те деньги, которые он зарабатывал в своей больнице, были настолько ничтожны, что их хватало только на хлеб и туалетную бумагу. Поэтому на семейном собрании было принято решение – на жизнь будет зарабатывать Лена, у нее это отлично получается, а хозяйством займется Алекс. К счастью Бергмана, его положение домохозяина совсем не унижало, он с большой охотой занимался бытом: нанимал

прислугу, давал ей задания на день, решал, какие покупки надо сделать, когда оплатить счета, чем накормить жену и когда сводить их любимую собаку Дульцинею (Дулю) к ветеринару.

– Чем сейчас займешься, дорогой? – ласково спросила Лена, любясь дымчатыми глазами мужа.

– Поеду к маникюрше – не могу же я явиться на прием с запущенными ногтями... – Он придиричливо осмотрел свои безупречные руки и, судя по всему, остался ими недоволен. – Просто не могу!

– А потом?

– Заскочу в магазин «Флора», приценюсь к пальмам, мне кажется, у нас в холле не хватает яркого зеленого пятна... Как ты считаешь?

– Целиком доверяю твоему мнению.

Алекс лучезарно улыбнулся, встал с кресла, подошел к супруге и смачно поцеловал ее в ненакрашенные губы.

– Ты у меня умница.

– Поэтому ты на мне и женился...

– Нет, женился я на тебе, так как знал, что в один прекрасный день ты станешь известным политиком, будешь зарабатывать большие деньги и избавишь любимого мужа от постылой обязанности ходить на службу...

Лена от души рассмеялась, оценив шутку. А это была шутка, поскольку, когда они поженились (а произошло это двадцать лет назад), ничто не предвещало ее успеха. Елена тогда

была обычной учительницей истории, проживающей в общезжитии, к тому же не очень здоровой после неудачной операции и весьма нелюдимиой из-за болезненного разрыва с любимым...

Они познакомились в поликлинике, куда Лена пришла на прием к гинекологу и где Саша (тогда он называл себя именно так) работал рентгенологом. Она подошла к молодому врачу, чтобы спросить, где шестьдесят шестой кабинет, и он не только подсказал, но и проводил ее, пока ждали очереди, они разговорились. Потом Алекс напросился к ней в гости, на следующий день уже без просьб пришел к ее дому с цветами, еще через день остался ночевать, а спустя месяц они подали заявление в загс.

Так Елена Панышина стала женой Александра Бергмана и, несмотря на пророчества коллег и приятелей, ни разу об этом не пожалела. Да, ей все твердили, что он слишком красив, слишком расфуфырен, слишком беспечен, чтобы стать хорошим мужем. Он будет тебе изменять, вопили подружки-училки, с завистью рассматривая ее свадебные фотографии. Он тебя бросит ради молодой, глупой, сексуальной! Одумайся! Он тебе не пара! А Лена в ответ только смеялась – она была уверена в том, что именно Алекс больше, чем кто бы то ни было, подходит ей в качестве супруга. И не потому, что так сильно любила своего новоиспеченного мужа, нет, она относилась к нему с большой симпатией, но и только, просто в лице Алекса она нашла идеального парт-

нера для жизни: веселого, беспечного, остроумного, яркого, общительного, цельного, такого, какого она всегда мечтала видеть рядом с собой. А если он бросит ее ради молодой, глупой и сексуальной, что ж, значит, такова судьба. После ужасного разрыва со своей единственной любовью Лена поклялась себе больше из-за мужчин не страдать.

Но, к удивлению завистников и самой Елены, Алекс оказался прекрасным мужем. Он отлично готовил, сам себе стирал носки, любил бегать по магазинам и наводить уют в их шестнадцатиметровой комнатке. Еще ему нравилось принимать гостей, поэтому в их хибаре постоянно толклись люди, он обожал вечеринки, танцы, пикники, гулянки, и Елену это несколько не раздражало. Конечно, денег молодым катастрофически не хватало: еженедельные банкеты, устраиваемые Алексом для друзей, сжирали весь семейный бюджет, но Лена не считала это поводом для скандала. В конце концов, она видела, за кого выходила замуж...

Вот что ее действительно удивило, так это то, что Алекс ей не изменял. То есть не просто ни разу не был уличен в адюльтере, но даже не дал повода для ревности. Это было непостижимо, так как Алекс был чрезвычайно хорош собой, обходителен, мил, остроумен и очень нравился женщинам, к тому же имел постоянную потребность в сексе, ведь после страшной операции по удалению матки Елена стала к постельным играм равнодушна...

Но не это было самым ужасным. Самым ужасным оказа-

лось то, что Елена не могла иметь детей. Она-то с этим давно смирилась – но какво Алексу жить с женщиной, неспособной подарить ему наследника? Тем более что он очень любил детей, особенно маленьких девочек, как-то он ей даже признался, что всегда хотел иметь дочку, которую звали бы Ингрид. Ингрид Бергман, как его любимую актрису.

Оказалось, и это препятствие не смогло разбить их семейную лодку. Алекс быстро смирился с ее бездетностью и вместо дочки Ингрид завел собаку Дулю. Ко всему прочему в середине девяностых Елена занялась бизнесом, стала хорошо зарабатывать, и у Алекса появилась возможность ежесезонно обновлять гардероб, коллекционировать сигары, книги, запонки, играть в гольф, путешествовать, встречаться с интересными людьми. Короче говоря, он был катастрофически занят, а при такой занятости о детях и думать некогда.

А тут еще Елена занялась политикой, и Алекс из мужа обычной богатой женщины превратился в супруга известной личности. Его фотографировали вместе с женой, брали у него интервью, приглашали на телевидение. Он стал так же популярен, как и его супруга, потому что был неотразим, а самое главное, благороден, ведь не каждый мужчина останется рядом с женщиной, неспособной иметь детей...

Пока Елена размышляла об этом, Алекс подошел к зеркалу, пригладил свои и без того безупречно причесанные волосы ладонью, одернул пиджак, поправил галстук. Он всегда тщательно следил за собой, а в последнее время стал особен-

но придиричив к внешнему виду: во-первых, в его возрасте нельзя позволять себе распускаться, а во-вторых, Алекса в любой момент могут сфотографировать.

– Алекс, тебе пора подкрасить волосы, – спокойно сказала Лена, подходя вплотную к мужу. – На висках видна седина.

– Да, я заметил, завтра же иду к парикмахеру, – ответил он. Алекс не считал зазорным подкрашивать волосы, делать пилинг, массаж, педикюр, он даже подумывал о вживлении в лицо золотых нитей, но об этом пока супруге не говорил. – Кстати, не желаешь, чтобы я записал к нему и тебя?

– Нет, спасибо, меня устраивает моя парикмахерша.

– Ну как знаешь, как знаешь... Только мой брадобрей Жоржик мигом бы уговорил тебя на колорирование... – Его глаза озорно сверкнули. – В экстремально красный... Стала бы клевой чувихой, за такую бы даже панки проголосовали...

– Только этого мне не хватало! – Елена, шутя, подтолкнула мужа к двери. – Иди уже к своей маникюрше, мне работать надо.

– Слушаю и повинуюсь. – Алекс дурашливо поклонился и, пятясь, покинул комнату.

Когда за ним закрылась дверь, Елена, все еще улыбаясь, прошла к окну. Встала у форточки, подставила лицо колючему зимнему ветру, собрала пальцем снег с рамы и слизнула его. Дурацкая привычка есть снег осталась с детства (ох, как ругала ее за это мама), и до сих пор госпожа Бергман не

могла до конца от нее избавиться. Нет-нет да пожуёт ледышки, и теперь ее за это ругает муж...

Лена высунула руку в форточку, подставив ладонь под медленно падающие снежинки... Вдруг в груди что-то кольнуло. Да так больно, что перехватило дыхание. Елена испуганно схватилась за сердце – неужели инфаркт? Все может быть, тем более она так много работала в последнее время... Но только она об этом подумала, как боль прошла. Бесследно. Не осталось даже покалывания, лишь легкое томление и какое-то беспокойство. Значит, не инфаркт. Тогда что?

Ответ пришел тут же. Вместе с телефонным звонком. Стоило только ее аппарату затрезвонить, как она поняла: ей необязательно брать трубку, чтобы узнать, что именно ей хотят сообщить. Она уже знала. Чувствовала. Предвидела.

Елена глянула на разрывающийся телефон и прошептала: – Старуха умерла!

Анна

Аня сидела в маленькой кухоньке, прижавшись спиной к дребезжащему боку холодильника «Днепр», и ничего не видящим взглядом смотрела в стену. Перед ней на облезлом кухонном столике стоял стакан с водой и пузырек валерьянки. Сумка с уже ненужными продуктами (любимой бабулиной сгущенкой, колбасой, маслом, рисом) валялась поодаль. Аня понимала, что надо бы ее поднять, но ей совершенно

не хотелось двигаться. На нее навалилась какая-то страшная усталость. Врач сказал, что это последствие шока и скоро пройдет, но пока что-то не проходило...

В принципе, Анну уже допросили и отпустили на все четыре стороны, чтобы не мешала работать следственной бригаде, но, вместо того чтобы унести ноги из ужасной квартиры, она потихоньку пробралась в кухню (для чего пришлось перешагнуть через ноги мертвой старушки), забилась за холодильник и замерла. Умысла в ее действиях не было никакого: она не собиралась подслушивать или подглядывать, ей просто хотелось посидеть в своем любимом закуточке, ведь именно на этом табурете, прислонившись спиной к холодильнику, она обычно сидела, когда они с бабой Линой пили чай... Или когда та читала вслух свою любимую книгу «Ярмарка тщеславия»... Или просто расспрашивала Аню о жизни – о своей она никогда не рассказывала...

Кухня была излюбленным местом их посиделок...

Анна шмыгнула носом и хотела уже разрыдаться, как на пороге показались два человека. Она узнала их, это были два милиционера, что приехали на ее вызов, одного, русоволосого здоровяка, насколько она помнила, звали Владимиром, а второго, маленького, чернявого, жутко злющего на вид, Стасом. Они были крайне увлечены разговором, поэтому Аню не заметили.

– Я тебе, Стасевич, говорил, что это не простая бытовуха, – горячился Володя. – А ты: «Подумаешь, старушку

почикали»... Эх ты, Шерлок Холмс хренов!

– Я же не знал, что кинжал, которым ее почикали, антикварный, – обиженно буркнул Стас.

– Не знал ты... Да по нему сразу видно... Я, конечно, в антиквариате тоже не разбираюсь, но понял, что ножичек старинный. И явно дорогой. Отсюда можно сделать два вывода. Первый: нож был принесен убийцей с собой, так как в этой халупе нет ничего дороже вот этого холодильника, и второй: убийца человек не бедный, раз может себе позволить умертвлять старушек раритетными кинжалами...

– Не обязательно. Он мог просто не знать, какова его ценность...

– Да одного взгляда достаточно...

– Это тебе достаточно, – не желал сдаваться Стас, – а убийца, может, нашел его на помойке...

– Ты к чему клонишь, мать твою?

– К тому, что не бедному человеку просто незачем убивать эту старушенцию! – рявкнул оппонент. – Я еще поверю, что к ней пьяница какой ворвался пенсию украсть. Или бомжара, район-то неблагополучный...

– У нее четыре замка на двери. Через такой заслон ни один бомжара не прорвется...

– У старухи, скорее всего, склероз, вдруг забыла запереться?

– Ты разве не помнишь, что девчушка из собеса сказала? Она заявила, что бабулька *всегда* запиралась. – Володя нена-

долго замолчал, видно, что-то обдумывал. – Странно это, а, Стасевич?

– Что именно?

– То, что бабка так баррикадировалась. Чего в этой халупе брать-то?

– Да уж, брать нечего, даже заначки никакой...

– Может, почистили уже?

– Не... В кошельке – он, кстати, лежит на видном месте – триста рублей. Для алкашей целое состояние...

– Слушай, а эта бабка свою квартиру никакой фирме не подписала? Знаешь же, сколько сейчас их развелось...

– Проверим, конечно, но тебе не кажется, что аферисты выбрали бы более дешевое орудие убийства, например яд или газ.

– Кажется, – уныло согласился Володя. – А что говорят свидетели?

– В основном мычат, потому что дом наполовину заселен алкоголиками...

– А та любопытная старушенция с первого этажа, Богомолова, кажется? Она вроде соловьем заливалась...

– Если бы по теме заливалась, тогда бы ей цены не было! На самом деле ни черта она не видела, потому что из квартиры не выходит – простуды боится, глазка на двери не имеет, а окна у нее смотрят на так называемый задний двор. Единственное, что мы от нее узнали, так это то, что Элеонора Георгиевна въехала в эту квартиру не так давно, то ли шесть

лет назад, то ли семь, но это мы еще выясним, причем въехала с одним чемоданом, то есть все барахло здесь осталось от прежних хозяев...

– Беженка, что ли?

– Нет, коренная москвичка, опять же если верить соседке.

– А паспорт посмотрели?

– Паспорта пока не нашли. Далекое, видно, запрятала.

– Зачем? Деньги-то на виду.

– Ха! У меня бабка девяностолетняя заначку в стол кладет, а паспорт чуть ли не под линолеум прячет. Потому что боится, что его выкрадут и возьмут в каком-нибудь коммерческом банке на него огромный кредит.

– Не дают таким старым кредитов.

– А ты поди ей докажи.

– Ладно, вернемся от твоей бабки к нашей, покойной. Про родственников что-нибудь выяснили?

– Какие родственники? Тебе же девчонка из собеса сказала, что старуха одинокая.

– Слушай, – неожиданно оживился Володя. – Тебе эта Анна Железнова не показалась чокнутой?

– Не то чтобы чокнутой, а какой-то блаженной. Не от мира сего.

– Да уж! Никто уже лет десять не носит таких пальто... Вроде молодая девка, а так себя запустила...

– А она не могла старушку замочить, как ты думаешь?

Аня закусила губу, чтобы не вскрикнуть – она никак не

ожидала такого обвинения.

– Сначала я именно так и подумал, – протянул Володя. – Но у девчонки алиби, его, конечно, еще надо подтвердить...

– И какое у нее алиби?

– В момент убийства, а совершено оно, если верить нашему эксперту, между 8.30 и 9.30 утра, гражданка Железнова была на другом конце столицы – получала аванс по месту работы... Свидетелей, как понимаешь, найдется куча...

Стас двусмысленно хмыкнул, после чего достал из кармана сигареты, спички и, присев на корточки, закурил.

– Необычное это убийство, – задумчиво проговорил он, выпуская дым через нос. – Непохожее на другие...

– Я бы сказал, убийство в стиле ретро, – меланхолично заметил Володя.

– Тебе тоже пришло в голову именно такое сравнение?

– Наверное, из-за этого дурацкого кинжала, кстати, надо пробить у антикваров, какова его рыночная стоимость...

– Мне кажется, дело не только в кинжале. Просто сейчас так не убивают... – Стас нервно стряхнул пепел с сигареты. – Вспомни, сколько мы дел вели (заказухи я в расчет не беру, там другое), а все одно и то же... Грабят – убивают, насилюют – убивают, завидуют – убивают, перепьются – тоже убивают. Грязь, деньги, кровяшка, похоть! Но на моей памяти нет ни одного убийства, похожего на это... Оно какое-то ненастоящее: чистенькое, прилизанное, даже элегантно... То ли книжное, то ли киношное, то ли лубочное...

– То ли ритуальное, – неожиданно перебил товарища Володя.

– Кинжал не ритуальный, обычный боевой...

– Знаю, но он должен что-то символизировать, иначе старушку зарезали бы обычным кухонным ножом...

Володя хотел еще что-то добавить, но когда он открыл рот, из-за холодильника со страшным грохотом выпала Анна. Устав сидеть в скрюченном положении, она решила распрямиться, а так как хорошо у нее ничего в жизни не получалось, то, пытаясь сесть поудобнее, она каким-то образом умудрилась зацепиться ступней за ножку табурета, после чего полетела на пол, больно приложившись лбом о батарею.

– Зрасте, – пролепетала Анна, неуклюже поднимаясь. – Я тут задремала... Извините...

– Это что еще за явление Христа народу? Тебе куда было велено идти? – накинулся на нее Стас.

– Домой, – с дрожью в голосе ответила она.

– А ты чего тут сидишь?

– Я же говорю, задремала...

– А ну топай домой по-быстрому, пока я тебя в каталажку не упек...

Аня от страха задрожала, и, бормоча извинения, стала мелкими шажочками продвигаться к выходу.

– И сумку не забудь! – рыкнул Стас, сверкнув глазами.

Аня послушно вернулась за сумкой, вцепилась в нее, как в спасательный круг, и бочком, бочком вышла в прихожую.

На счастье, труп уже убрали (на полу остался только меловой трафарет), поэтому Анна беспрепятственно преодолела расстояние до двери, быстро распахнула ее и пулей вылетела на лестничную клетку.

До первого этажа она добежала в считанные минуты, но вместо того, чтобы выйти из подъезда и, как было велено, топтать домой, Аня устало опустилась на заплыванную ступеньку, уткнулась лбом в стену и по-щенячьи заскулила. Вообще-то она не была плаксо́й, но сегодня что-то разнюнилась... Сначала от испуга рыдала, потом от растерянности, позже из-за жалости, а вот теперь от обиды... Да, ей было обидно! Но не потому, что на нее накричали и обозвали явлением Христа народу, к этому ей не привыкать, на нее кричали все, кому не лень, горько стало оттого, что ей некуда было идти. Конечно, жилплощадь у нее есть, и довольно большая (целых двенадцать метров), но комнату в коммуналке, где, к слову, она прожила всю жизнь, у нее язык не поворачивался называть *домом*. И причин этому множество.

Первая из них: комнатенка была жутко неудобной. До революции на месте Аниной обители был выход на черную лестницу, но в тридцатых годах прошлого века лестницу решили забаррикадировать, а узкий длинный коридор с бетонным полом и подслеповатым оконцем у самого потолка сделать комнатой. Вторая причина – чтобы попасть в свои «покои», Ане приходилось пересекать не только всю квартиру, но и кухню, а это просто ужасно, потому что вместе с ней

в комнату проникает и пар, и вонь, и гарь, и дым, и ругань злющих соседей. Третья, и самая весома, – все то время, что провела в стенах этой комнатенки, Аня была несчастна. Конечно, она и в садике, и в школе, и в библиотеке, и даже в кино не ощущала себя особенно счастливой, но дома, дома она просто задыхалась... Ее угнетали и вечная сырость, и непрекращающийся гам, и убогость обстановки, и отсутствие элементарного уюта, и вечные материны любовники, сменяющие один другого, и то, что, когда эти любовники появлялись, Ане приходилось ночевать в шкафу...

Последняя проблема исчезла, когда мать умерла, но легче Ане не стало, так как все осталось по-прежнему: и сырость, и убогость, и гам. Не так давно у Ани появилась была надежда: ее соседка Агриппина Тихоновна привела покупателя на свою комнату, и покупатель этот, окинув взором двухсотметровые дореволюционные хоромы, возжелал купить их целиком. Взамен предложил каждой семье по квартире на выселках. Обитатели коммуналки, коих насчитывалось восемнадцать человек, на предложение «благодетеля» отреагировали по-разному – кто-то тут же согласился, кто-то решил торговаться, на выселки им, видите ли, ехать не хотелось, кто-то отказался категорически, потому что все равно обманут. В числе самых покладистых оказалась и Аня, да ее не особенно слушали – из ее клетушки потенциальный покупатель собирался сделать кладовку.

В итоге ничего у них с продажей не вышло, устав выслу-

шивать нелепые требования жильцов, дяденька купил другую коммуналку, этажом ниже, сделал в ней ремонт и уже вселился вместе с женой, родителями, дочкой, ротвейлером и крысой неизвестной сиамской породы.

Больше пока желающих приобрести их запущенную коммуналку не было, а Аня так надеялась... Иногда, когда от духоты и влажности она не могла уснуть, в ее воображении возникала такая картина: отдельная квартира (пусть на выселках, пусть однокомнатная, но отдельная) со светлой кухней, на окне занавески в горошек, непременно красные, на подоконнике герань, в углу стол, на нем солоночки, салфеточки, чашечки, блюда, рядом табуретка, на табуретке она, Анна, на ее коленях кот... Все! Больше ничего ей для счастья не надо... Даже сотового телефона!

– Ты еще тут? – раздался над ее ухом грозный мужской голос.

Она вздрогнула и, замирая от ужаса, подняла глаза. Как она и ожидала, над ней нависал грозный милиционер Стас, тихонько спустившийся с четвертого этажа и вставший за ее спиной.

– Опять, скажешь, задремала?

– Ага, – глуповато улыбнулась она.

Он сокрушенно покачал головой и вполне миролюбиво спросил:

– Откуда ж ты такая взялась?

– Из собеса, – как всегда, невпопад ответила Аня, но, по-

няв свою оплошность, поправилась: – Вернее, из коммуналки.

– В коммуналке живешь?

– Ага.

– С мамкой, что ли?

– Нет, мама умерла год назад.

– Извини.

– Да ладно, чего уж... – пробормотала она смущенно, потому что никакой тоски по покойной родительнице она не испытывала, одно облегчение. – Не любила меня мамка, да и я ее не особо...

– А эту бабку любила?

– Очень, – с энтузиазмом воскликнула Аня. – Она была очень добрым, отзывчивым человеком... Чистым ангелом... – Видя недоверие на лице следователя, пояснила: – Ведь именно она меня на работу устроила.

– Как это?

– Просто. Я, как школу закончила, в техникум пошла, но бросила его – мать мне велела на работу устраиваться, а я хорошо училась, без троек... – Говорила Аня сбивчиво, коряво, она не могла складно выражать свои мысли, но не из-за скудного словарного запаса (с самой собой она общалась прекрасно), а из робости. – Мать меня на винзавод устроила, чтобы я там водку воровала...

– Пила?

– Она нет, хахаль ее пил... – Аня поморщилась, вспомнив

сизую рожу материного сожителя. – Но я воровать не умею... И от запаха спирта у меня постоянно были головные боли, так что пришлось уволиться... Потом я много работ сменила, но нигде долго не задерживалась, кому я такая нужна... Ни образования, ни внешности... Только на овощебазу или уборщицей, а там в основном пьянь, да и неинтересно мне...

– А где тебе интересно? – с улыбкой спросил Стас.

– Я учиться хочу, – выпалила Аня. – На дизайнера ландшафтов. Я природу люблю: деревья, травы, цветы, особенно цветы, но в моей комнате они не растут. Им свет нужен, а я даже днем с лампочкой сижу... – Она погрустнела, думы о несбыточной мечте всегда навевали тоску. – Короче, оказалась я безработной. Стояла на бирже. Вот пришла я как-то отмечаться, смотрю, у крыльца бабулька стоит, миленькая такая, чистенькая, в соломенной шляпке, и улыбка добрая... Подошла она ко мне и говорит: «Что же ты, дочка, такая молодая, а работу найти не можешь?» А я ей в ответ: «Образования нет, блага нет, воровать не могу», короче, все, что вам сейчас, ей рассказала. Вот она мне и предложила: давай, говорит, ты будешь за мной ухаживать. Хорошо платить не могу, но и работы, как таковой, немного. Продукты покупать, газеты, лекарства, белье в прачку отнести, даже убираться не надо, я, говорит, сама могу... Я согласилась...

– Значит, ты не от собеса за ней ухаживала?

– Это сначала, но потом бабуля мне говорит: «Тебе надо официально оформиться, про пенсию подумать и все та-

кое»... Отвела меня в собес, оказывается, социальных работников не хватает (зарплата, сами понимаете, копеечная), меня сразу и взяли...

– Давно ты ее знаешь?

– Почти год... Мы с ней очень подружились за это время...

– Ты говорила на допросе, что она была очень одинока, значит, ее никто не навещал?

– Почти никто. Разве что соседка, – Аня кивнула на дверь шестьдесят второй квартиры, – наведается... Или старая подруга раз в квартал забредет...

– Что за подруга? – напрягся Стас. – Как зовут?

– Как же ее зовут... – Аня свела брови, вспоминая. – Фамилия у нее еще такая благородная... А! Голицына! Она постоянно хвалилась своим аристократизмом... Она вообще была такая... ну... – Девушка пощелкала пальцами, подбирая достойное сравнение. – Нафталиновая, что ли...

– Как это?

– Таких сейчас мало осталось, вымерли, наверное, но раньше я частенько встречала в наших старомосковских дворах подобных старух... Худые, прямые, надменные, на голове шляпка с истлевшей вуалеткой, на руках перчатки, на шее побитый молью песец... Над ними всегда дети смеялись, а мне их было жалко... – Анины глаза увлажнились, не иначе решили за сегодня выплакать годовой запас слез. – Вот старуха Голицына из их числа.

– Имя не помнишь?

– Ее бабуля Ветой звала...

– Значит, или Лизавета, или Виолетта, – резюмировал Стас. – Сколько раз ты видела старуху Голицыну в квартире покойной?

– Всего раза три. Тяжело ей, наверное, через всю Москву в гости кататься, старая она, как и Элеонора Георгиевна... – Аня в задумчивости поскребла коленку. – Только не очень бабуля любила, когда Вета к ней приезжала... Как-то прихожу к ней, а Голицына только ушла, я по запаху поняла, у нее жуткие духи, протухшие лет двадцать назад, и этот запах потом долго не выветривается... Так вот, пришла я, а Элеонора Георгиевна грустная, спрашиваю: «Чем вас так Вета расстроила?» – а она мне отвечает: «Любит Ветка старое вспоминать, а это ни к чему!» Вот и все, больше ничего не добавила, но целый день хмурная ходила...

– При тебе они не ругались?

– Нет, были очень друг с другом милыми, но особой теплоты я в их отношениях не заметила... Уж очень они разные... Вета вся из себя аристократка: спесивая, надменная, а баба Лина простая была женщина, душевная...

– Ты говоришь, теплоты не было... Тогда зачем больной старухе тащиться через всю Москву, чтобы повидать не очень приятного человека?

– Знаете, что я думаю? – взволнованно сказала Аня и от волнения покрылась потом. – Мне кажется, Голицына ездил-

ла к ней, чтобы продемонстрировать, что еще жива... Или проверить, не умерла ли Элеонора Георгиевна... Будто между ними соперничество какое было... По жизни... Вот и в смерти решили посоперничать.

– Антикварные вещи у Голицыной имелись, не знаешь? Может, она говорила что-то...

– Когда-то была целая коллекция фарфоровых ваз и картин, это мне баба Лина рассказывала, а еще она говорила, что Вета в картишки поиграть любила, причем по-крупному, вот весь антиквариат и просадила... – Тут Аня резко обернулась и пристально глянула на следователя. – Только если вы думаете, что это она ее убила, то зря... Старуха Голицына страдает артритом, у нее все пальцы скрючены, она не то что нож сжать, даже застегнуться не может...

Аня ждала очередного вопроса, но Стас больше ни о чем не спрашивал, он погрузился в глубокие раздумья и будто бы забыл про свою собеседницу.

– Мне можно идти? – робко спросила Аня, когда пауза затянулась до неприличия.

– А? – очнулся он. – Что?

– Идти, говорю, можно?

– Да, да, иди, – рассеянно кивнул Стас, после чего развернулся и медленно пошел по лестнице вверх.

Аня проводила взглядом его худую спину, поправила шапку, вытерла нос варежкой, после чего вышла из подъезда и быстро, насколько позволяла скользкая подошва стоптан-

ных сапог, потрусил к автобусной остановке. Анюту ждала ее сырая темная комната, чахлые цветы, раздрызганный многочисленными мамиными любовниками диван, домашние шлепанцы, измусоленные соседским котом Тихоном, и несбыточные, рожденные бессонницей мечты.

День второй

Ева

Огромный черный джип затормозил у крыльца старинного здания, на фасаде которого красовалась золоченая вывеска «Арт-джи», и из недр его показалась роскошная блондинистая сука. Сука (только у них бывают такие хищно-прекрасные лица) плевать хотела на знак «Стоянка запрещена» и на возмущенно сопящего охранника рядом с ним, поэтому не стала отгонять машину на стоянку, а бесстрастно щелкнула брелоком сигнализации и стремительно проследовала к зеркальным дверям особняка.

Нужное ей помещение находилось в конце коридора и пряталось за мощной железной дверью с табличкой «Студия звукозаписи». В данный момент она была не заперта, поэтому Ева вошла в студию беспрепятственно. Как она и ожидала, в помещении никого не было, кроме сидящего за огромным пультом парня. Парень с умным видом передвигал рычажки, тыкал в кнопки, щелкал тумблерами, короче говоря, игрался, так как в технике он не разбирался совершенно.

Она постояла немного, разглядывая его трогательно-беззащитный затылок, хрупкие плечи, нежные руки, и не верила своим глазам: Денису никак нельзя было дать его полные

тридцать два года, скорее двадцать три, а то и девятнадцать.

«Хорошо сохранился, чертяка, мне бы так», – с завистью подумала Ева, а вслух произнесла:

– Дусик, ты играешь в космический корабль? Или в капитана Немо, как в детстве?

Денис вздрогнул и резко обернулся. Вот тут сразу стало ясно, что Ева с завистью поторопилась, потому что лицо его, в отличие от фигуры, не походило на мальчишечье: оно было по-взрослому порочным, испытаным, помятым, а от уголков глаз в разные стороны бежали лучики морщинок.

Ева подошла к парню и коснулась губами его лба.

– Здравствуй, братик.

– Привет, сестричка, – проворковал Денис, одарив Еву своей фирменной улыбкой (именно она, по мнению газетчиков, делала его лицо юным и прекрасным). – Давно тебя не видел...

Ева кивнула – они действительно давно не виделись. Обычно брат с сестрой общались посредством телефона или Интернета, а в последнее время, когда Денис подался в звезды эстрады, даже такое общение стало для них роскошью.

– Как идет запись второго альбома? – поинтересовалась Ева, садясь в кресло. – Путем?

– Путем, – бодро ответил Денис, пряча глаза.

На самом деле ничего путного из второго альбома не выходило. А все потому, что продюсер решил экономить на всем: на композиторе, на аранжировщике, на звукорежиссе-

ре, даже на бэк-вокале, а без хорошего бэк-вокала Денис не мог вытянуть даже простейший мотивчик...

– Ты чего один сидишь? Где все? – спросила Ева, оглядываясь на дверь.

– Пошли обедать. А я на диете...

– На кокаиновой?

– С ума сошла! – возмутился Денис. – Я наркотики не употребляю!

– Тогда почему так хреново выглядишь?

– Сплю плохо... И вообще... – Он нервно дернул ртом. – Жизнь поп-идола не сахар...

– Не рановато ты себя в идолы записал? – насмешливо спросила Ева.

– В самый раз, – оскалился Денис.

– Смотри, прокатит тебя твой продюсер с бабками, мигом с пьедестала свалишься...

– С чего бы ему меня прокатывать? – насторожился он.

– Слышала, новый фаворит у него появился, не то казах, не то бурят, говорят, жутко красивый... Так что будь начеку, в большие долги не влезай, а то опять по гей-кабакам придется задом крутить, а зад у тебя уже не первой свежести, так что...

– Ты приехала только за тем, чтобы облажать мой зад? – зло воскликнул Денис.

– Нет, Дусик, я здесь, чтобы сообщить тебе одну новость... – Ева выдержала театральную паузу и прошептала: –

Старуха умерла!

Дусик ошарашенно уставился на сестру, потом всплеснул руками (Ева терпеть не могла его пидорестичные жесты) и выдохнул:

– Не может быть!

– А ты решил, что она, как Дункан Маклауд, бессмертна?

– Честно говоря, да... – Он нервно заправил непокорную русую прядь за ухо. – Вернее, я всегда был уверен, что она всех нас переживет...

– Радуйся, твои мрачные пророчества не сбылись!

– От чего она умерла? Сердце или что?

– А тебе не по фигу? – зло прищурилась Ева, став сразу жутко некрасивой, даже отталкивающей.

– По фигу, конечно, просто... – Он потерянно посмотрел на сестру. – Бабушка ведь... А мы не знаем...

– Бабушка! – передразнила его Ева. – Забыл, как тебя эта бабушка из дома вышвырнула...

– Так за дело же...

– Подумаешь, с парнем в подъезде целовался...

– Это сейчас «подумаешь», а десять лет назад...

– Даже десять лет назад этим уже никого нельзя было удивить... А тем более оскорбить!

– Все равно, – упрямо возразил он, – все равно...

– Еще скажи, что тебе ее жалко!

Дусик ничего не сказал, он лишь шмыгнул носом.

– И не вздумай реветь! – разозлилась Ева.

– Не буду, – прошептал он, незаметно вытирая пальцем выступившие слезы.

Ева страдальчески закатила глаза – она не могла видеть, как брат плачет: сразу вспоминала, как рыдал он десять лет назад, стоя перед бабкой на коленях и умоляя простить его. Но старуха прощать не умела, поэтому Дусику пришлось уйти...

Только спустя год брат объявился. Худой, больной, жалкий. Он бродяжничал, занимался проституцией, по случаю подворовывал. Ева сняла ему квартиру, отмыла его, откормила, подлечила, дала денег. Для этого пришлось втихаря продать одно из своих колечек. Ведь Дусика нужно было где-то поселить, а то мыкался по каким-то углам, ночевал у таких же беспутных дружков. Ева попыталась уговорить бабку позволить Денису вернуться в дом, но все ее старания были напрасны: переступить порог квартиры ему так и не позволили, а деньги, полученные от сестры, парень быстро пропил – за год совсем непьющий Дениска стал заправским алкоголиком, спасибо, хоть на наркоту не подсел.

Потом он опять пропал и вновь объявился. Только на этот раз в менее потрепанном виде, оказалось, пристроился в какой-то заштатный гей-клубешник стриптизером. К счастью, там он недолго ошивался, через полтора года его заметил некий продюсер, известный в тусовке своим пристрастием к хрупким голубоглазым юношам, и ввел в мир шоу-бизнеса. Три года Дусик был на подтанцовке у одного поющего

гея, искусно выдающего себя за гетеросексуала (чему немало способствовало его семейное положение и наличие двоих детей), а недавно запел сам. И несмотря на то, что пел Дусик (ныне Дэнис) слабенько, его дебютный сингл стал хитом, а альбом вошел в двадцатку самых продаваемых.

Можно сказать, что Дусик хорошо устроился, и, скорее всего, он не добился бы такого успеха, не выгони его бабка из дома, ведь на тот момент он учился на экономиста и, хотя имел отвращение к экономике и слабые к ней способности, собирался им стать... Но разве мимолетный успех (Ева не сомневалась в его скоротечности) компенсирует многолетние страдания?! Разве он помогает забыть ту боль, которую испытал Дусик, когда любимая бабушка вышвырнула его из дома, будто лишайного котенка, только за то, что он, по ее мнению, поступил непотребно? Нет, нет и нет! И пусть с того ужасного дня прошло уже десять лет, Ева до сих пор не может простить Элеоноре ее непримиримость, жестокость, ханжество... Даже теперь, когда старуха умерла, она не смогла отпустить ей грехи – Ева была истинной внучкой своей непримиримой бабки.

– Когда похороны? – подавив всхлип, спросил Дусик.

– Мне по хрену, я на них не пойду!

– Зря ты так... Бабка была неплохим человеком... Просто она никогда не меняла своих решений...

– Я тоже их не меняю! – огрызнулась сестра. – Десять лет назад я решила, что поквитаюсь с ней за тебя...

– И ты поквиталась, – устало проговорил Дусик. – Выжила ее из собственной квартиры...

– ...и даже не приду к ней на похороны! – закончила свою мысль Ева. – Если хочешь узнать, когда старую мымру закопают, спроси у кого-нибудь другого!

После этих слов Ева резко поднялась с кресла, схватила сумку и, не попрощавшись, выскочила из студии. А Дусик, проводив сестру взглядом, вернулся к своим тумблерам, но, перед тем как погрузиться в игру целиком, подумал: «До чего она похожа на бабушку!»

Аня

Аня стояла на площадке первого этажа напротив квартиры шестьдесят два и все никак не решалась позвонить. Во-первых, старуха, проживающая в ней, была суцая ведьма, и лишний раз на нее нарываться не хотелось, а во-вторых, не было никакой уверенности в том, что ведьма знает ответ на интересующий Анюту вопрос. Но больше спросить было не у кого, и Аня собрала в кулак все свое мужество и нажала на звонок. Сначала за дверью не было слышно ни звука, но спустя минуту раздался старческий голос:

– Кто там?

– Извините, пожалуйста, за беспокойство...

– Сейчас милицию вызову! – предупредительно прокаркала бабка.

– Не надо... Я просто хотела узнать... Кто будет Элеонору Георгиевну хоронить? Вы не в курсе?

– Ты кто?

– Это Анна, я к ней ходила, из собеса...

Договорить Аня не успела, дверь резко распахнулась, и на пороге показалась костлявая старуха в двух очках, надетых одни на другие.

– Помню тебя, – сказала она, снимая одни очки и пристально вглядываясь в Анино лицо. – Нюркой тебя звать... помню... Так чего тебе?

– Я хотела спросить...

– Громче говори, я плохо слышу.

– Хотела спросить, – закричала Аня во все горло, – кто будет хоронить бабу Лину...

– Вот орать тоже не обязательно, – проворчала старуха. – Я не глухая, просто недослышиваю... Доживешь до моих лет, узнаешь, что это такое...

– Так что там с похоронами? – не очень вежливо перебила ее Аня.

– Это у тебя надо спросить, ты в собесе работаешь, – окрысилась бабка, после чего захлопнула перед ней дверь.

Аня отошла на безопасное расстояние от старухиной квартиры и, прислонившись спиной к перилам, задумалась. Где же узнать? У кого? Наверное, надо было действительно в собесе поспрашивать – раз бабуля была одинокой, то ее похоронами займется государственная организация, но коль

бабу Лину убили, то, наверное, труп еще в море, и тогда он может там пролежать гораздо дольше положенных христианским обычаем трех дней...

Так и не решив, что делать: то ли в собес идти, то ли в милицию, то ли напрямик в морг, Аня зашагала по лестнице вверх. Ей хотелось в последний раз постоять у дверей любимой квартирки, где, несмотря на убогость, пахло дворцом и где она бывала по-настоящему счастлива.

Когда она поднялась на четвертый этаж, первое, что бросилось в глаза, – это яркая бумажная лента, наклеенная на замок квартиры (опечатана, значит), а второе – лента-то надорвана... А это значит, что в квартиру кто-то проник!

Ане стало жутко. Но вместо того чтобы в панике бежать вон из подъезда, она сделала шаг к двери. Была не была! Если убьют, значит, такова судьба, тем более цепляться за жизнь в ее положении просто глупо – умрет, никто и не заплачет...

Стоило ей прикоснуться пальцами к ручке, как дверь распахнулась – скорее всего, в квартире было открыто окно.

Аня вошла, настороженно оглядываясь по сторонам. В прихожей она никого не обнаружила, как и в кухне, которая просматривалась даже с порога... Но Аня сразу поняла, что в квартире кто-то есть, так как в ней появился запах, но не тот, что был при бабуле (он испарился сразу, как хозяйки не стало), другой... Аня нервно поводила ноздрями, принюхиваясь. Хм... Пахло мужчиной, причем не абы каким – абы

какие смердели перегаром и «Примой», – а богатым, мужественным и... полным: к аромату изысканного парфюма и дорогого табака примешивался легкий запах пота...

От этого ей почему-то стало спокойнее, и Аня смело вошла в комнату.

Бабулина спальня была именно такой, какой она привыкла ее видеть. Выгоревшие обои, пожелтевший потолок, с которого свисала пластмассовая люстра, шкаф, тумбочка, кровать, застеленная пледом, в углу круглый стол с белыми разводами от горячего, на нем книжка, любимый бабулин роман «Ярмарка тщеславия», который она настоятельно рекомендовала Ане почитать... Аня так засмотрелась на этот истрепанный том, что не сразу заметила мужчину, который застыл в напряженной позе у окна. Был он отлично одет, сед, высок и, как она ранее предположила, очень тучен. На вид мужчине было лет шестьдесят, но стариком Аня назвать бы его не посмела...

Когда незнакомец услышал шаги, он резко обернулся, обратив к Ане породистое лицо с пронзительными карими глазами, и неприветливо спросил:

– Чего надо?

– Простите, ради бога... – залепетала Аня, мигом растеряв всю смелость. – Я хотела узнать...

– Ты кто такая? – грозно рыкнул мужчина, делая шаг в ее сторону.

«Сейчас прибьет, – обреченно подумала Аня. – Стукнет

кулачищем по лбу, и нет меня».

И, чтобы не видеть, как он будет замахиваться, она закрыла глаза. Но вместо ожидаемого удара на нее обрушился грубый окрик:

– Я тебя спрашиваю или нет?! А ну отвечай!

Аня приоткрыла один глаз и увидела, что полный господин убивать ее не собирается, он даже рук из карманов не вынул. Это ее успокоило, но не сильно, потому что глаза дяденьки, как два пистолетных дула, были нацелены на ее лицо, и от его взгляда у Ани по телу побежали мурашки.

– Я из собеса... – чуть слышно произнесла она, вытирая вспотевшие ладони. – Меня зовут Анна...

– И что дальше?

– Я хотела узнать, кто будет Элеонору Георгиевну хоронить...

– Ну я.

– А вы кто? – удивленно заморгала Аня.

– Сын. Кто же еще?

Аня ойкнула и уставилась на бабы Лениного сына с таким ужасом, будто он был привидением.

Эдуард

Эдик хмуро смотрел на перепуганную девушку в задрюпанном пальто и не мог понять, что ей нужно. Сначала он решил, что она пришла просить подаяния (уж слишком бедно

была одета) или попробовать что-нибудь украсть, а теперь и не знал, что думать. Девушка, несмотря на затрапезный гардероб, производила впечатление честного человека.

– Сын? – переспросила она, растерянно приоткрыв красивые пухлые губы.

– И чего тут странного? – привычно рявкнул он, но, увидев, как вздрогнула девушка, постарался говорить мягче. – У вас в собесе разве не знают, что у нее есть сын?

– Нет. Она одинокая...

Эдик раскатисто рассмеялся, чем привел Аню в неопишное волнение – не девка, а трусливый заяц какой-то.

– Ну старуха, ну дает! Даже государство умудрилась обдурить!

– Вы правда ее сын? – все еще не верила Аня.

– Сын, сын, – закивал он, по-прежнему улыбаясь. – Эдуард Петрович Новицкий, к вашим услугам.

– А я Аня, Аня Железнова, – немного осмелела девушка. – Я за вашей мамой ухаживала... Я очень ее полюбила, она была такая... такая... добрая...

Эдик еще внимательнее посмотрел на девчонку – на самом деле наивная или притворяется? Девчонка от его пристального взгляда стушеввалась: покраснела, опустила очи долу и тут же замолчала. Нет, эта не притворяется, эта от природы такая, решил Эдуард (он хорошо читал по лицам – тюрьма научила), одно непонятно, как она умудрилась эту наивность сохранить, тем более живя в Москве – столица и

не таких возвращала...

Угроздило же бедняжку родиться в конце XX века. Подобным тут не место, им бы в век XVII, а то и к рыцарям! Сразу видно, к современной жизни не приспособлена и от того несчастна и одинока, у таких девчушек даже подруг нет, не говоря уж о друзьях...

– С кем живешь-то, Анна Железнова? – спросил Эдик приветливо, ему больше не хотелось нагонять на девчущку страху.

– Одна, вернее, с соседями... У меня комната в коммуналке...

– Родители где?

– Мать умерла, а отца у меня никогда не было... – Аня запнулась, – нагуляли меня...

Эдуард Петрович удивленно приподнял брови – у гулящей матери выросла эдакая незабудка. Надо же!

– А жених у тебя, Аня, есть? – решил уточнить он.

– Смеетесь? – смутилась она. – Кто на меня позарится?

Вот тут Эдуард был с девушкой не согласен. Позариться на нее мог кто угодно, поскольку внешность у нее была очень приятная, единственное – эту приятность под лохмотьями очень трудно разглядеть. Сам он, например, сначала посчитал Аню дурнушкой – уж очень уродовала ее дурацкая мохеровая шапка, старил темный, намотанный на шею шарф, а мешковатое пальто делало фигуру бесформенной, но теперь, когда девушка стянула с головы безобразный головной

убор и расслабила удавку, оказалось, что у нее густые волнистые волосы, нежное овальное личико, большие серые глаза и тонкий, с небольшой горбинкой, нос. Хламиду свою она еще не сняла, но Эдик мог поклясться, что Анютка еще и стройненькая.

– А ты по-другому одеваться не пробовала? – задумчиво спросил Эдуард, закончив осмотр Аниной внешности.

– Нет, – честно призналась она.

– Почему?

– Не пробовала, и все.

Маленькая гордычка, с симпатией подумал Эдуард, не хочет признаваться, что денег ей хватает только на еду и это тряпье.

– Хочешь, бабок дам, – неожиданно предложил он. – Пальто себе купишь...

Аня вспыхнула и резко ответила:

– Не надо!

– Просто так, а не за то, о чем ты подумала, – с досадой протянул он. – В благодарность за заботу о матери...

– Все равно не надо. Пальто я себе на следующий год куплю сама.

– Как знаешь, – хмуро проговорил Эдик. – Только мой тебе совет, не отказывайся от помощи, когда ее предлагают искренне... – Он остро глянул на нее, потом опустил глаза и привычно грубо бросил: – Приходи завтра к двенадцати на похороны. С ментами я договорился, тело сегодня отдадут...

– Я обязательно приду... Но, может, чем помочь?

– До завтра, – отрезал Эдуард, отворачиваясь к окну.

– До свидания, – прошептала Аня в ответ, но не ушла,

а помявшись в нерешительности, привычно робко попросила: – А можно мне взять что-нибудь на память?

Эдуард Петрович резко обернулся, его глаза горели, рот кривился. В этот миг он был страшен, он всегда становился отталкивающе злобным в минуты разочарования. А в данный момент он был жутко разочарован! Как же! Принял обычную попрошайку, аферистку, мародерку за честную девушку. Посчитал ее невинной, искренней, даже пальто ей хотел купить, старый дурень, а девка просто-напросто хотела поживиться: заграбастать пару антикварных штучек (Эдик, правда, ни одной пока не видел, но не сомневался, что они есть – мать всю жизнь собирала старинные вещи и не могла без них жить).

– Ну бери! – процедил он сквозь зубы, стараясь до поры сдержать свой гнев: ему было интересно узнать, где его машина устроила тайник.

Аня благодарно улыбнулась, быстро подошла к столу, бережно взяла с него толстую книгу в потрепанном перелете и, прижав ее к груди, вышла из квартиры.

День третий

Елена

Кладбищенские ворота были распахнуты, около них толпилась кучка неопрятных нищих, выклянчивающих подаюние у одиноких посетителей погоста. Это были жуткие люди: грязные, беззубые, пьяные, покалеченные, но не в чеченской войне, в чем они пытались уверить прохожих, а в пьяных драках. Завидев хорошо одетую женщину, они кинулись к ней, протягивая свои черные, в волдырях руки, и заныли на разные голоса. Лена попыталась обойти их, но не тут-то было, попрошайки встали стеной, преграждая дорогу. Мысленно выругавшись, она швырнула в самый центр кучи зловонных тел пачку десятков, после чего беспрепятственно прошла на кладбище.

«Надеюсь, бомжи не смотрят телевизор», – подумала она, торопливо вывернув на одну из основных дорожек. Ей не хотелось, чтобы ее здесь видели, и не только бродяги, но и никто другой, потому что приходить на кладбище ей было ни к чему. Ей и Алекс об этом сказал. Да и она это понимала, но ноги сами принесли ее сюда, так что ничего теперь не поделаешь...

Дорожка тем временем сделала плавный изгиб, и перед

Лениным взором предстал ряд свежих могил, значит, ей сюда. Лена надвинула шляпу на глаза, погрузила лицо до самого носа в кольцо кашемирового шарфа, приподняла воротник (ей нужна стопроцентная уверенность в том, что ее не узнает ни одна живая душа) и только потом вышла на открытое пространство.

В нескольких метрах от нее у разрытой могилы стоял гроб. Судя по всему, панихида уже закончилась, и с минуты на минуту должно было состояться погребение – Лена поняла это, увидев, с каким нетерпением могильщики постукивают лопатами по мерзлой земле. Рядом с гробом стояли всего четыре человека, и двоих из них она узнала: старуху Голицыну и Эдика, двое других: молодая бедно одетая женщина и элегантный мужчина были ей не знакомы...

Но того, кого она мечтала увидеть, среди них не оказалось...

Господи, какая она дура! Почему ей пришло в голову, что именно сегодня она его встретит! Почему дала глупым мечтам заманить себя сюда... Почему позволила себе такую роскошь, как надежда... Дура, набитая дура, даром что депутат!

Лена устало опустила на заснеженную лавочку. Волнение, охватившее ее, мешало немедленно уйти.

Сережа! Именно так звали того, ради кого она рискнула здесь появиться. Сергей Отрадов – любовь всей ее жизни. Боже, как она его обожала! Как мучилась, когда он ее бросил. Так мучилась, что выскочила замуж за первого встречного,

и еще хорошо, что этот встречный оказался прекрасным человеком, а будь на месте Алекса кто-то другой, тогда бы ей не осталось ничего иного, как наложить на себя руки...

Познакомилась она с Сергеем в доме покойницы Элеоноры Новицкой много лет назад. Елене тогда было тридцать, ему сорок девять. Он только что ушел в отставку, вернулся с Дальнего Востока в Москву и пришел в гости к своей сестре Линочке. Елена очень хорошо запомнила тот момент, когда Серж вошел в комнату, где, кроме хозяйки и самой Лены, была еще куча народу, запомнила, так как она чуть не лишилась чувств, увидев этого мужчину, – от внезапно вспыхнувшей любви у нее перехватило дыхание. Высокий статный военный в морской форме, с кортиком на поясе, с фуражкой в руке, он свел с ума не только ее – все женщины, присутствующие в комнате, в едином порыве возжелали этого красавца. Хотя, по большому счету, Сергея никто бы не назвал классическим красавцем, у него было обычное лицо: немного тяжеловатое, с крупным носом, чуть прищуренными глазами. Единственное, что красило его, так это рот, будто созданный для поцелуев, и густые волосы, уже тогда абсолютно седые... Но что-то в Сергее было такое, что волновало женщин, кружило им головы, заставляло трепетать. Сейчас бы сказали, что он был чертовски сексуален, но тогда целомудренно отмечали, что в нем есть изюминка...

Впрочем, до общего мнения Лене не было никакого дела. Даже если бы другие находили его уродливым, она все

равно пошла бы за ним на край света. Оказалось, что она способна на всепоглощающую любовь... И для нее это стало полной неожиданностью! Ведь она считала себя абсолютным сухарем, синим чулком, занималась исключительно самообразованием: писала диссертацию, посещала всевозможные курсы, читала. За тридцать лет у нее не было ни одного серьезного романа. Да что там, у нее и несерьезного не было – мужчины боялись подойти к ней с непристойным предложением, а пристойного делать не хотели – кому нужна жена, которая умнее мужа. Еще она была девственницей. И если раньше это ее совсем не смущало, то теперь показалось постыдным... А самым постыдным было то, что она умирала от желания. День и ночь она мечтала о том, как он возьмет ее, причем обязательно на полу (из-за этих фантазий с ее лица не сходил стыдливый румянец – многие даже решили, что она заболела, простыла), хотя до этой встречи считала себя фригидной. Да, раньше ее секс совсем не волновал, она предполагала: из-за гинекологических проблем, а оказывается, ей просто не попадался достойный объект желания.

Мучилась она целый месяц, причем регулярно встречалась с Сергеем в доме Лины, распаяя себя этими встречами до неприличия. В итоге не выдержала, затащила его в ванную и... Нет, не отдалась – призналась в любви. Он назвал ее милой девчушкой, погладил по головке, чмокнул в нос и преспокойно ушел. Но история на этом не закончилась.

Спустя три недели он сам затащил ее в ванную, где под

аккомпанемент льющейся из крана воды лишил девственности. Когда дефлорация была успешно завершена, Сергей признался в том, что Лена ему тоже очень нравилась, но он боялся отдаться чувству – считал себя слишком для нее старым («...мне ведь уже сорок девять, девочка!»).

Так начался их роман.

Встречались они урывками: он был постоянно занят, а она боялась ему навязываться. Ленина любовь расцвела пышным цветом, Сергей к ней тоже прекрасно относился, конечно, не так страстно, как ей бы хотелось, но пожаловаться на его невнимание она не могла.

Когда с начала их романа прошло четыре месяца, Лена, естественно, тайно стала мечтать о свадьбе. А почему нет? Он не женат, бездетен, к ней привязан, им есть о чем поговорить, и в сексе у них полная гармония. Самое же главное, она любит его так, как не полюбит ни одна другая, а какому мужчине это не понравится?

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает! В случае Лены и Сергея в роли Бога выступила Элеонора Новицкая, милая сестренка, любящая мать... Да, Лина была Леночкиной матерью, правда, не родной, но так как воспитывала она девочку с пеленок, никто об этом не вспоминал.

Сколько же Элеоноре было лет, когда все это произошло? Никак не меньше шестидесяти, точно, тогда ей только-только исполнилось шестьдесят три, ведь она была старше брата на тринадцать лет. И она была еще очень хороша! Стройная,

золотоволосая, гладкокожая, с хорошим цветом лица и голубыми, как у молодой, глазами. В нее по-прежнему влюблялись мужчины, а она все так же обожала ими вертеть. Всеми без исключения: и поклонниками, и мужем, и сыном, и братом. Она привыкла считать всех мужиков без исключения своими рабами. В этом было что-то противоестественное, потому что Элеонора ревновала их, даже сына и брата, к другим женщинам. Лина хотела властвовать над их сердцами безраздельно.

Наверное, поэтому любовь дочери и брата она расценила как предательство. Она запретила им встречаться. Заявила, что проклянет дочь, если та ее ослушается...

И тут впервые за всю жизнь Лена взбунтовалась, ответила матери, что та может проклипать ее сколько хочет, но от Сергея она не отступится. Что тут началось...

– Дура! – орала Лина, тряся дочь за плечи. – Идиотка! Он тебе в отцы годится! К тому же он бабник, циник, сволочь! Думаешь, если он тебя отымел, то уже любит, да он перетраhal всех моих подружек, смотри, и твоих перетрахаёт! Я запрещаю тебе его любить!

Но, как известно, запретить любить невозможно, поэтому Лена собрала вещи и ушла из дома. Неизвестно, чем бы все кончилось, не исключено, что хеппи-эндом, если бы Сергея не посадили. Да, да, да, в тот момент, когда «счастье было так возможно, так близко», Сержа отдали под суд, обвинив в зверском избиении какого-то гражданского. Как потом вы-

яснилось, побит был рогатый муж одной из подружек Элеоноры, застукавший капитана Отрадова со своей супругой и решивший прелюбодеев поколотить.

Больше всего Лену в этой истории поразило не то, что ее любимый параллельно встречался еще с какой-то бабой, а то, что рогатого мужа на Сергея натравила Элеонора. Она не ожидала от матери такой подлости, такого хладнокровия, бескомпромиссности, ведь Элеонора прекрасно знала, как вспыльчив Сергей, знала, что если его попробуют ударить, он тут же ввяжется в драку, и понимала, чем эта драка закончится: без последствий она не могла остаться, ведь побитый муж был очень большим правительственным чиновником.

Сергея посадили на восемь лет. Перед тем как отправиться по этапу, он встретился с Леной и приказал ей его забыть: мол, он ее никогда не любил и считает нужным сообщить ей об этом именно сейчас, чтобы она не разыгрывала из себя жену декабриста (так и сказал «чтоб не разыгрывала»), а устраивала свою жизнь без него...

После чего Лена серьезно заболела и провалялась в больнице чуть ли не год – врачи не знали, от чего ее лечить: у нее обнаружилась дисфункция всех жизненно важных органов. Когда же ее все-таки выписали, в дом матери она не вернулась. Лена не желала ее видеть – и не видела много-много лет...

Елена схватила с лавки пригоршню снега, слепила комок и провела им по лицу. Надо успокоиться! И постараться все

забыть – с прошлым ее больше ничто не связывает! Мать умерла, Сергей, быть может, тоже. Ведь ему сейчас должно быть за семьдесят, а в нашей стране, как известно, мужики долго не жи...

Мысль оборвалась. Дыхание перехватило. Перед глазами поплыли черные круги. Но даже сквозь них она видела... нет, нет, это не он... не может быть... просто похож...

– Сережа! – выдохнула Лена и сползла на припорошенную снегом землю.

Ее Сережа! Вот он, в каких-то десяти метрах от нее! Живой!

Он идет по параллельной дорожке, направляясь к разрытой могиле. Он ничуть не изменился, такой же стройный и высокий, такой же седовласый и так же не любит головные уборы. Старость его несколько не изуродовала, напротив, сделала еще более привлекательным.

Сергей не заметил ее, он не смотрел по сторонам, и Лена была благодарна за это богу – меньше всего она хотела сейчас встретиться с ним глазами. Лена понимала, что как только она заглянет в любимые, чуть близорукие глаза, плюнет на все: на мужа, на партию, на Думу, на своих избирателей и даже на любимую собаку Дулю, и пойдет за Сергеем хоть на край света.

Аня

Аня тихонько всхлипывала, утирая влажное лицо варежкой (о приготовленном заранее платке она даже не вспомнила), ей было горько оттого, что ни один из присутствующих на похоронах не оплакивал бабу Лину вместе с ней. Всем было наплевать на то, что Элеонора Георгиевна умерла. Всем, даже ее сыну, который со скучающим видом разглядывал привезенный с собой траурный венок. Не говоря уже о старой мымре Голицыной, томно прикладывающей пожелтевший от времени батистовый платочек к совершенно сухим глазам. Молодого же мужчину в щеголеватом пальто она в расчет не брала, он тут был явно человеком посторонним – Аня решила, что он секретарь Эдуарда Петровича, так как стоял парень немного в отдалении и вид имел крайне озабоченный.

Пока Аня плакала, к траурной процессии (если четырех человек у могилы можно назвать процессией) присоединился еще один мужчина: высокий худой старик с серьезным аскетичным лицом. Он молча кивнул Голицыной, поздоровался за руку с Эдуардом, скупо улыбнулся Ане, но вместо того, чтобы встать рядом со всеми, шагнул к гробу, вынул из-за пазухи белоснежную розу на длинном стебле, положил ее у лица Элеоноры Георгиевны, прошептал что-то короткое: то ли «прости», то ли «прощай», после чего быстро развернул-

ся и зашагал прочь.

Минутой позже его спина скрылась из виду.

Эдуард дал знак могильщикам, чтобы приступали.

Гроб заколотили, опустили в могилу, закидали землей. Не было ни торжественных речей, ни горьких причитаний, ни прощальных поцелуев в лоб, все молча бросили на крышку по горстке земли и отошли, давая могильщикам заняться своим делом.

Когда на месте ямы образовался небольшой холмик мерзлой земли, все посчитали похороны законченными.

– Эдик, дружок, – заговорила Голицына своим противным дребезжающим голосом, – ты поминки где будешь устраивать?

Эдуард Петрович нахмурился, видимо, об этом он даже не подумал, но быстро нашелся: достал из кармана портмоне, вынул из него сто долларов и протянул их старухе.

– Лизавета Петровна, вот вам деньги, помяните матушку без меня. Я видел тут неподалеку небольшой ресторанчик, попрошу своего шофера вас туда отвезти... Потом он вас домой забросит...

Голицына хищно схватила предложенную сотню, молниеносно спрятала ее в карман и сладко запела:

– Спасибо, сынок, спасибо. Дай бог тебе доброго здоровья... Помяну матушку твою, подружку мою ненаглядную, помяну, не сомневайся...

Но Эдик ее сладких речей слушать не стал, он предупре-

дительно махнул рукой, типа, не стоит благодарности, резко развернулся и направился к стоящему в сторонке молодому человеку. Аня зачем-то потащила следом за ним. Уж не затем ли, чтобы рассмотреть красавца поближе?

– Вы кто такой? – с места в карьер начал Эдуард.

– Меня зовут Петр Моисеев, – отрекомендовался парень, – я адвокат вашей покойной матушки...

Значит, не секретарь, а адвокат! С ума сойти! А какой вблизи оказался красавец!

– Фамилия известная, – хмуро кивнул Новицкий. – Это ты Цаплю защищал? И Германа?

Петр не ответил, только с достоинством кивнул, а Эдуард Петрович продолжил:

– И зачем матушка тебя наняла, такого ушлого?

– Она оставила завещание...

– Это понятно. Только для этого достаточно нотариуса, зачем ей понадобился видный столичный адвокат?

– Элеонора Георгиевна наняла меня на тот случай, если вы надумаете его опротестовать.

– Я? – сощурился Эдуард.

– Не вы лично. Вас она как раз и не имела в виду... – Адвокат строго сжал губы, став сразу серьезнее и старше. – Другие члены семьи.

Аня обалдела. Другие? Значит, кроме Эдуарда Петровича, есть еще кто-то?

– И кому же матушка завещала свое добро? – хмыкнул

Эдуард.

– Я зачитаю завещание завтра в два часа дня в своей конторе, – адвокат протянул ему визитку с вензелями, – здесь указан адрес и телефон. Так что милости прошу.

– А остальные знают?

– Моя секретарша сегодня обзвонит всех членов семьи, указанных в завещании. Кто пожелает, придет... – И тут он впервые посмотрел на Аню. – Вас, Анна Вячеславовна, я также прошу явиться, вам Элеонора Георгиевна тоже кое-что оставила.

После этих слов красавец-адвокат протянул еще одну визитку, на сей раз Ане, улыбнулся и, вежливо попрощавшись, удалился. Эдуард Петрович проводил его задумчивым взглядом, потом встряхнулся и спросил:

– До дома подбросить?

– Я еще посижу тут... – Аня опустила глаза и почти беззвучно добавила: – С Элеонорой Георгиевной...

– Замерзнешь, дурочка.

– Я недолго.

Он сокрушенно покачал головой – неясно, осуждающе или сочувственно, – а затем ушел, ни разу не оглянувшись.

Оставшись одна, Аня облегченно вздохнула (как ни был к ней добр грозный дядька Эдуард, а все равно в его присутствии она зажималась), подошла к могиле, присела рядом с ней на корточки, вынула из кармана банку вареной сгущенки и пристроила ее рядом с венком. Тут же, утопая в ис-

кусственных цветах, стояла фотография покойной, воткнутая прямо в землю. На ней Элеонора Георгиевна была очень хороша: элегантная, женственная, прекрасно сохранившаяся женщина бальзаковского возраста. Судя по прическе, в момент съемок ей перевалило за шестьдесят, но выглядела она на сорок пять. Аня, зная ее древней старушкой в валеночках и душегрейке, и не подозревала, что баба Лина когда-то была такой привлекательной... Эдуард Петрович, наверное, в молодости тоже был очень интересным мужчиной, это сейчас он толстый, седой, хмурый, а лет в двадцать пять, тридцать, когда был стройным и чернокудрым, наверняка кружил девушкам голову своей внешностью...

Как только в мозгу пронеслась мысль о мужчине, кружащем девушкам голову, перед глазами возник образ адвоката Моисеева. Вот уж красавец так красавец. Стройный, высокий, голубоглазый, светловолосый, но при этом темнобровый и смуглый: кожа, как ее любимый кофейный напиток «Московский», сильно разбавленный молоком... А улыбка! Как у замечательного артиста Николая Рыбникова – с ямочками! Кстати, Петр не женат. По крайней мере, официально – Аня видела безымянный палец его правой руки, на нем нет кольца. Почему, интересно? Не встретил достойную или просто бабник? А может, разведен... Да, собственно, какая ей разница? В любом случае ей ничего не светит... На нее обычные-то мужчины не смотрят, а уж такие...

В подобных размышлениях Аня провела минут пятна-

дцать. Когда совсем замерзла, поднялась с коленей, погладила рукой холмик земли, как бы прощаясь с бабулей, затем направилась в сторону кладбищенских ворот – она знала, через десять минут от них отправляется льготный автобус.

Проходя мимо одной из лавочек, врытых рядом с могилами, она краем глаза заметила женщину, сидящую на ней. Красивая, очень хорошо одетая дама с седыми волосами (шляпа с большими полями съехала набок, обнажив короткие серебристые виски) была ей откуда-то знакома. Ее лицо без грамма косметики Аня где-то видела, но не могла вспомнить где. Она начала пристальнее всматриваться в тонкие черты, но незнакомка заметила ее взгляд, быстро поднялась и, натянув шляпу на глаза, понеслась к воротам. По дороге она вытирала лицо платком, который затем сунула в карман. Сделала она это не глядя, поэтому не заметила, что он вылетел, комом упав на снег.

– Женщина, подождите! – крикнула Аня вслед. – Вы обронили...

Но дама, вместо того чтобы остановиться, прибавила ходу, а потом вообще припустила бегом. Спустя секунду она скрылась из виду.

Аня не обиделась – ее почти всегда игнорировали, а платок подняла, хотела выкинуть в урну, но, взяв его в руки, вздрогнула. Прозрачный розовый квадрат, изготовленный то ли из тончайшего шелка, то ли из крепдешина, то ли из невиданного батиста, с ажурными краями и загогулиной в виде

скрещенных полумесяцев в углу был ей знаком. Точно такой носила баба Лина в кармане своей душегрейки и доставала только затем, чтобы промокнуть слезинки – нос она вытирала самым обычным, хлопковым. Великолепный, явно старинный платок так не сочетался с самовязаной, подбитой старой овчиной безрукавкой и обрезанными валенками, что Аня однажды спросила у старушки, откуда она раздобыла такую роскошь. Элеонора Георгиевна ответила, что набор из семи платков разных цветов ей еще до войны привез из Парижа отец, якобы их ему презентовала сама Коко Шанель, но шесть потерялись, износились, испортились, остался только этот, и его она бережет как память о папе и как раритет – таких, по ее уверениям, в мире больше не осталось. Аня ей не очень поверила (Париж, Коко Шанель – что за фантазии!), решила, что бабуля присочиняет, но в одном была убеждена – платок действительно редкий, эксклюзивный, старинный, таких точно больше нет...

Нет? А это что? В ее руках...

Аня поднесла его к лицу, понюхала. Пахло какими-то изысканными духами, такими же французскими, как и платок, но сквозь этот флер пробивался запах китайского бальзама «Красная звезда»... Бабуля применяла его как панацею, от насморка натирала им нос, от головной боли – виски, от бронхита – грудную клетку, от радикулита – поясницу...

Это ее платок! Точно ее...

Но почему он оказался в кармане незнакомки со знакомым

лицом?

Не найдя ответа на этот вопрос, Аня бросилась к выходу с кладбища, дабы задать его женщине в шляпе... Но за воротами не было никого похожего на нее. Старухи-богомолки, побирушки, торговцы цветами, одинокие скорбящие были, а седовласой дамы нет. Зато по дороге в сторону города мчался большой черный автомобиль с тонированными стеклами. За ними Аня не увидела женщины, но была уверена – она уехала в нем...

Вопрос остался без ответа, как большинство вопросов, на которые она хотела ответы получить!

Аккуратно сложив платок, Аня спрятала его в кармашек своей замызганной сумки – дома его можно постирать, погладить и беречь дальше, как раритет и память о Элеоноре Георгиевне.

Тут к воротам подкатил автобус, Аня запрыгнула в салон, села у окна и всю дорогу до дома пыталась вспомнить, откуда же ей знакомо лицо женщины из черной машины... Но так и не вспомнила.

День четвертый

Ева

Ева влетела в кабинет адвоката, когда все уже были в сборе. Что ж, именно этого она и хотела – приятно осознавать, что тебя ждут сразу несколько человек!

– Я не опоздала? – холодно спросила она, оглядывая присутствующих.

– Опоздала, – сухо ответил незнакомый красавчик в отличном костюме от «Армани». – Ждем только вас.

– А вы, собственно, кто?

– Я, собственно, адвокат Моисеев. Петр Алексеевич. – Он указал Еве на кресло. – Прошу садиться.

«Ну ни фигя себе! – мысленно поразилась Ева. – Какие нынче адвокаты пошли хорошенькие! Такого бы на обложку журнала, а не в зал суда. Одни глаза чего стоят, не говоря уже о фигуре... – Она окинула парня с головы до ног. – Интересно, а без одежды он так же хорош?»

– Садитесь, пожалуйста, – повторил свою просьбу душка-адвокат и вновь указал на кресло.

Ева криво улыбнулась, небрежно скинула с плеч шиншилловое манто, бросила его на спинку кресла и грациозно села, стараясь закинуть ногу на ногу таким образом, чтобы ми-

лашке-юристу хорошо было видно ее бедро. Приняв удобное положение, Ева огляделась по сторонам.

В полуметре от нее сидел Дусик, такой же бледный и помятый, как и позавчера, но зато при параде – в кожаном костюме и при жабо. Чуть дальше на диване, выпятив жирный живот, развалился ее папашка. За те годы, что она его не видела, он набрал килограммов пятьдесят, но при этом похорошел, стал благороднее (большие бабки, как известно, облагораживают внешность) и на преступника, коим он является, совсем не походил. На соседнем с диваном кресле примостилась старая беда Лизавета Петровна Голицына, распространяя вокруг себя запах тухлых духов и нафталина. Эта на кой черт притащилась, неясно, родственницей она не была, близким человеком тем более: Ева помнила, как бабка чиховостила свою старинную приятельницу, обзывая ее голозадой выскочкой и старой пердушкой...

А это что за чудо-юдо? Ева даже сдавленно хохотнула, разглядев еще одного персонажа – зачуханную девицу в секунд-хендовском тряпье, что застыла в позе провинившейся школьницы на стульчике рядом с дверью. Ева и не предполагала, что в столице еще есть люди, которые носят такие пальто. И ладно бы старуха какая-нибудь, той лишь бы не замерзнуть, но чтоб молодая девка... А сапоги! Боже, они же из бивочного дерматина...

Пока Ева разглядывала прикид незнакомки, душка-адвокат достал из стола кожаную папку, вынул из нее несколько

листов, аккуратно положил их перед собой и хорошо поставленным голосом начал читать:

– Я, Новицкая Элеонора Георгиевна, находясь в здравом уме и твердой памяти...

– Эй, погодите, – оборвал его Эдуард Петрович. – Мы что, без Ленки начнем?

– Без какой Ленки? – тут же встрял Дусик.

– Без Елены Бергман, моей сестры.

– Елена Бергман твоя сестра? – не поверил тот.

– И твоя тетя.

– Та самая? Из телевизора? Ну ни фигя себе! – Дусик обернулся к Еве и возбужденно воскликнул: – Однако в нашей семье не один я в звезды выбился! Прикинь, да?

– Так что там с Еленой? – проигнорировав вопли сына, поинтересовался Эдуард Петрович.

– Она не придет, – ответил адвокат.

– А Сергей? – не отставал папашка.

– Сергей Отрадов обещал прийти, но что-то задерживается, а так как Элеонора Георгиевна его в завещании не упомянула, то мы его не ждем...

Не успел Петр закончить фразу, как дверь открылась, и на пороге кабинета показался высокий статный старик с копной седых волнистых волос и полными, совсем молодыми губами.

– Я опоздал, – сказал он, просачиваясь в кабинет, – извините...

– Ничего страшного, – заверил его адвокат, – я еще не начал...

Старик кивнул, быстро разоблачился, пристроив свое поношенное пальто на вешалку, и притулился на стул рядом с неизвестной нищенкой. Как только он устроился, адвокат начал зачитывать завещание по новой:

– Итак, находясь в здравом уме и твердой памяти, я, Элеонора Георгиевна Новицкая, завещаю... Моему дорогому сыну Эдуарду, с которым я поступила несправедливо, за что искренне прошу прощения, я завещаю книгу «Декамерон», он зачитывался ею в детстве, а я запрещала ему читать по причине ее дурного содержания. Теперь можно, читай, сынок, на здоровье! Моей дочери Елене, которой я, как она думает, разбила жизнь, завещаю свои наручные часики, она очень любила их примерять, будучи девочкой. Они и сейчас как новые, только их надо починить. Храни их, доченька, да не поминай меня лихом... Дорогой внучке Ефросинье... – Адвокат на мгновение оторвался от завещания и растерянно посмотрел на Еву. – Ефросинья это вы? – Ева фыркнула и нетерпеливо дернула подбородком, давая понять, что не стоит заострять внимание на такой глупости. – Итак, внучке Ефросинье я завещаю свою коллекцию конфетных фантиков, я бы ей завещала нашу арбатскую квартиру, да уже ни к чему, Фросенька и без завещания ее у меня отобрала... Внуку своему Денису, которого я по горячности своей лишила крова, я завещаю зонтик-трость, оставшийся еще от его де-

да, чтобы впредь у него была хоть какая-то крыша над головой... Дорогой подружке Голицыной Елизавете я оставляю в наследство пачку любовных посланий, которые ее муж писал мне на протяжении всей жизни и которые я хранила специально для того, чтобы было что даровать Веточке после своей смерти... – Петр перевернул страницу и продолжил, предварительно хлебнув из стакана минералки: – Оставшееся же добро, а именно однокомнатную квартиру со всем имуществом, как то: холодильник, шкаф, электроплитка (полный список прилагается), а также кирпичный сарай, находящийся во дворе дома, и земельный участок в шесть соток, расположенный на территории садового кооператива «Усадьба», с имеющимися на нем постройками (сарая для инвентаря и собачьей будкой) я завещаю... Железновой Анне Вячеславовне. Единственному человеку, который любил меня такой, какая я есть.

Дусик

Дусик не мог поверить своим ушам. Ему ничего не досталось! Как же так?! Ведь он ее внук, причем единственный! Ладно, она ни черта не оставила Еве, этой не за что, но ему, ему она просто обязана была что-то оставить... Ему так нужны деньги! Да, они ему просто необходимы, чтобы продолжить запись альбома – больше разжиться бабками ему негде. Его продюсер, старый развратный козел, на самом деле за-

вел себе нового любовника и, в чем Дусик смог убедиться лично, жутко красивого, а главное, кошмарно молодого, так что скоро певцу Дэнису дадут пинком под зад, а его место на звездном небосклоне займет хорошенький казах с труднопроизносимым именем...

Дусик зажмурился, стараясь унять волнение, но тут со своего кресла вскочила Фроська и начала так громко блажить, что ни о каком успокоении речи быть не могло.

– Вы чего нам тут прочитали, господин адвокат? Что за хрень? Какие, на фиг, фантики с зонтиками? Что это такое?

– Это завещание, – спокойно ответил Петр, – вашей покойной бабушки.

– Это не завещание, а бред сивой кобылы! И она, старая карга, еще утверждала, что находится в здравом уме!

– Если вам что-то не нравится, можете опротестовать завещание в суде.

– И опротестую, не сомневайтесь! – выкрикнула Ева, топнув своей безупречной ножкой в пятисотдолларовом сапоге.

– Это ваше право. А теперь сядьте, пожалуйста, я вижу, что не только у вас есть ко мне вопросы...

Когда Фроська бухнулась обратно в кресло, со своего лежбища подал голос батяня:

– Когда я смогу получить свою книгу?

– Хоть сегодня.

– Отлично, будет что почитать вечером, – хмыкнул он, похоже, его завещание не просто не расстроило, а даже раз-

веселило. Конечно, ему, старому бандиту, деньги не нужны, а о детях своих он думать не привык.

– Еще у кого-нибудь вопросы есть? – спросил милашка-адвокат, но сам смотрел только на задрипыша, сидящего на стульчике у двери. Уж не она ли та самая Анна Вячеславовна Железнова, мать ее?

– У меня есть, – подала голос старуха Голицына.

– Слушаю.

– Я могу идти? А то мне что-то нехорошо... – В доказательство своих слов старуха закатила глаза и схватилась за сердце.

– Конечно, конечно, – испуганно залепетал Петр, – вас проводит моя секретарша... Катя, – прокричал он в свой телефон, – проводите Лизавету Петровну до подъезда и вызовите ей такси...

– Не стоит беспокоиться, – впервые подал голос незнакомый седовласый старик. – Я провожу Лизавету Петровну до дома. Пойдем, Вета... – Он подал Голицыной руку, она тут же вцепилась в нее, и они поковыляли к двери.

Когда старики выползли из кабинета, в бой опять ринулась Фроська:

– Господин адвокат, вы мне растолкуйте, пожалуйста, может, я чего-то не поняла...

– Чего именно?

– Я не поняла, кто стал основным наследником?

– Я же ясно прочитал, Железнова Анна Вя...

– Эта чмошница? – Ева брезгливо тыкнула пальцем на перепуганную девчоночку. – Но ей досталась только халупа и какие-то сараи...

– Квартира, сарай и земельный участок, если быть точным.

– А кому бабка завещала коллекцию драгоценностей?

– Ни о какой коллекции в завещании речи не было.

– Как не было? Всем здесь присутствующим известно, что у старой карги было цацок до е...ной матери! Она всю жизнь их собирала! Я помню, как в детстве примеряла их! Это не просто украшения, это антикварные украшения! Им теперь цены нет! – все больше распалялась Ева. – Где они?

– Уж кому об этом знать, как не тебе, – процедил Дусик, уставший сдерживать свое возмущение. – Ведь именно ты заграбастала себе старухину квартиру со всей антикварной мебелью...

– Мебель я заграбастала, это точно, только ни единой цацки не нашла...

– И картины, – не унимался Дусик, – а им, между прочим, тоже цены нет...

– Да иди ты, козел!

– Я про саму квартиру молчу! Она теперь лимонов десять стоит!

– Она стоит пятнадцать, но это не твое собачье дело, понял? Я в эту халупу вложила столько бабок, сколько в твою раскрутку не вкладывали!

– Сука ты, Фроська! – зло выкрикнул Дусик. – Жадная сука! Обобрала бабку на старости лет, меня пробросила – ни единой задрипанной картины не отдала, – а все тебе мало!

– Да, я сука, – выплюнула она. – И что? Да, если бы я не была такой, все антикварное барахло бабка бы распродала еще до своей кончины! Ты не жил с нами, не знаешь, что она постоянно таскала картины и посуду в ломбард! Она же не привыкла себе ни в чем отказывать! Она привыкла жрать икру на завтрак и ее же втирать в кожу головы, чтоб волосы блестели!

– Пошла бы да заработала бабке на икру! Или тебе трудиться было запахло?

– Я бы пошла, только чтобы получить нормальную работу, надо было раздвигать ноги, а бабка меня блюла! В десять я должна была явиться домой, а раз в год проходить обследование у гинеколога на предмет наличия девственности, иначе она грозилась выгнать меня из дома так же, как потом выгнала тебя! – Ева в сердцах швырнула сумку на пол. – Поэтому, чтобы выжить и сохранить квартиру, мне пришлось избавиться от бабки... В чем я нисколько не раскаиваюсь!

– Потому что ты бесстыжая! И можешь мне тут сказки про свою девственность не рассказывать! Я лично видел, как ты в семнадцать лет трахалась с бабкиным ухажером! А ему, между прочим, было не меньше шестидесяти!

Неизвестно, чем бы закончилась их перепалка, не исключено, что дракой, если бы в этот момент не раздался насмеш-

ливый голос Эдуарда Петровича:

– Ай да детки у меня выросли! Любо-дорого посмотреть...

– Да пошел ты, – устало огрызнулась Ева. – Тоже мне ангел с крыльями...

– Я, может, и не ангел, но никогда бы не вышвырнул женщину, которая меня воспитала, из собственной квартиры. Как это получилось у тебя, дочура? Без аферы тут точно не обошлось, а ты ведь всегда так уважала закон...

Ева ничего не ответила, но не потому, что ей нечего было сказать, просто она устала тратить силы на глупую перебранку. Папаша тоже заткнулся, но Дусик отмалчиваться не собирался, отдышавшись, он заговорил с адвокатом:

– Петр Алексеевич, дружок, скажите-ка мне вот что... Если драгоценности в той халупе, что завещали этой... как ее... ну... – он дернул подбородком в сторону задрипанки, – Анне, что ли... Так вот, если они там, кому они достаются?

– Ей и достаются, потому что Элеонора Георгиевна ясно указала в завещании, что оставляет Анне Вячеславовне не только квартиру, но и все имеющееся в ней имущество.

– Но это несправедливо!

– Такова воля вашей бабушки.

– Послушайте, – Дусик вскочил, подбежал к столу и вцепился в его край трясущимися пальцами. – Послушайте, тут же напрашивается явный вывод... Это она убила бабуку, я слышал, ее зарезали, так вот, это Анна... Больше никому!

Она знала, что станет наследницей всего, вот и...

– Не смейте! – раздался дрожащий от волнения женский голос. – Не смейте, слышите...

Дусик обернулся и увидел, что девица, до сего момента неподвижно сидящая на своем стульчике, порывисто вскочила, даже не заметив, что котомка, стоявшая на ее коленях, свалилась на пол.

– Я не убийца! – сквозь слезы выкрикнула она. – Не убийца! Я любила ее просто так! Мне ничего не надо было...

– И тут такая удача, – нервно хохотнула Ева. – Богатство просто свалилось на голову!

Анна с ужасом посмотрела на нее, потом сглотнула и очень тихо, но твердо проговорила:

– Я отказываюсь от наследства.

– Bravo! – Ева зааплодировала. – Какое благородство!

– Мне ничего не нужно, слышите? – Анна повернулась к адвокату. – Я отказываюсь от наследства! Где нужно подписать?

После этих слов Дусик буквально лег на стол Моисеева и зашептал:

– Дайте ей бумагу, она отказывается, слышите? Дайте, пока она не передумала...

– А ну пшел вон отсюда! – рявкнул Эдуард Петрович, неожиданно проворно вскакивая с дивана и хватая Дусика за шиворот. – Гаденыш!

– Не трогай меня! – взвизгнул поп-идол Дэнис, дрыгая в

воздухе худыми ножками.

– Катись отсюда, пока я тебя не прибил, – сипло проговорил Эдик, разжимая пальцы. – И ты, маленькая гадина, выметайся...

Ева одарила отца таким убийственным взглядом, что любой другой на его месте уже упал бы замертво, потом неспешно встала, подхватила шубку и, послав адвокату воздушный поцелуй, вышла из комнаты. Встрепанный Дусик кинулся следом.

Аня

Когда брат с сестрой покинули комнату, Аня упала на стул и горько разрыдалась.

– Бедная баба Лина! За что ей бог дал таких внуков? Уж лучше быть одинокой, чем иметь таких родственников... – причитала она, утирая льющиеся ручьем слезы. – Какие гадости они говорили! Я чуть не умерла от стыда...

– Ну не реви ты, дурочка, – неумело успокаивал ее Эдуард Петрович. – Все уже позади... Ты теперь наследница...

– Я же сказала, что мне ничего не надо! – воскликнула она. – Я отказываюсь!

– Вот это ты зря... Мать искренне хотела тебе помочь, сделала единственный правильный поступок за всю свою жизнь, а ты – отказываюсь...

– Но они считают меня убийцей! А если они так подумали,

то подумают и другие...

– Убийцу скоро найдут, так что с этим проблем не будет. – Эдуард потрепал девчущку по голове. – А с этими двумя горлопанами, если они вдруг попробуют на тебя наехать, я разберусь...

– Со всеми горлопанами буду разбираться я, – прервал его Петр. – Меня для этого и наняли.

– Мне ничего не надо, – упрямо твердила Аня. – Ничего...

– Тебе что, квартира не нужна? – накинулся на нее Эдуард Петрович.

– Нужна, конечно, но... Она ведь не только мне нужна, многим, вон у бабули два внука, а квартира, это ж очень дорого... Несправедливо будет, если все мне достанется... Надо продать ее и поделить деньги на троих...

Тут Эдуард Петрович не выдержал и заливисто рассмеялся.

– Ну, Анюта, ну даешь! – хохотал он, утирая пальцами выступившие слезы. – Надо же быть такой наивной... Ты думаешь, Фроське эта халупа нужна или Дениске?

– Если квартира не нужна, то деньги-то им нужны... Продадим и поделим...

– У Фроськи машина стоит, как твоя халупа вместе с садом и собачьей будкой! Про Дениску я вообще молчу, он же якобы звезда, на одного парикмахера тратит в месяц больше, чем вы в своем собесе, все вместе взятые, зарабатываете...

– А драгоценности? – не унималась Аня. – Они говорили

про какие-то цацки...

– Да, Эдуард Петрович, – заинтересованно посмотрел на Новицкого адвокат. – Что за разговоры про коллекцию драгоценностей? Если она действительно существует, то Элеонора Георгиевна зря не дала насчет нее конкретных указаний... Могут возникнуть сложности...

– Да нет никакой коллекции, – раздраженно отмахнулся Эдуард. – Придумала Фроська все! Конечно, мать всегда была равнодушна к цацкам, и у нее действительно была когда-то целая шкатулка фамильных украшений, но я сомневаюсь, что она их сберегла... Скорее всего, где-то лежит пара коле, не больше...

– Пара коле? – не поверил Петр. – Но даже пара старинных коле стоит приличных денег... Вы меня извините, конечно, но я видел, в каких условиях жила Элеонора Георгиевна, и сомневаюсь, что...

– А ты не сомневайся, – отбрил адвоката Эдуард. – Моя матушка любила пыль в глаза пустить. В последние несколько лет она искусно косила под старушку – божьего одуванчика, бедную, но гордую... На самом деле я уверен, что у нее где-то зачтена пара-тройка антикварных безделушек... Не коллекция, конечно, но что-то есть...

– Но откуда у бедной пенсионерки, которую к тому же, как я понял, обобрала собственная внучка, антиквариат?

– Вот вы, Петр Алексеевич, сколько раз с моей матушкой виделись?

– Три раза.

– И какое мнение у вас о ней сложилось?

– Милая старушка. Простая, бесхитростная, немного вредная, но это возрастное...

– Простая! – Эдуард Петрович поднял вверх указательный палец. – Ключевое слово – простая! На самом деле Элеонора Георгиевна была далеко не простой женщиной. От рождения она имела титул княжны и носила фамилию Шаховская. Если бы не революция, мать была бы одной из самых титулованных и богатых невест России. И она никогда не забывала о своих корнях, никогда... Например, свою подружку Лизу Голицыну она всегда называла голозадой выскочкой, потому что никакой аристократкой та не была, в Голицыну превратилась после замужества, а в девичестве носила фамилию Поварешкина...

– Но при чем тут антиквариат?

– А при том, что мать Элеоноры Георгиевны, княжна Шаховская, в девичестве Анненкова, сумела припрятать огромную коллекцию серебра, драгоценных камней и фамильных украшений. Мне мать об этом самолично рассказывала. И, самое главное, все это добро не сгинуло бесследно, а попало в руки наследницы, то есть Элеоноры Георгиевны Новицкой, тогда, правда, она носила другую фамилию... – Он выставил вперед безымянный палец с красивейшим, увенчанным огромным камнем, кольцом. – Видите этот перстень? Ему триста лет. Сначала он принадлежал владыке Османской им-

перии, потом главе семьи Шаховских. Рыночная стоимость этого кольца на сегодняшний день сто двадцать тысяч долларов. И таких колец в бабкином тайнике было штук десять, не говоря уже о диадемах, колье, камнях и так далее...

– Вам этот перстень достался в наследство? – восхищенно глядя на камень, спросила Аня.

– Как бы не так! Я выкупил его у одного жуликоватого ювелира. Оказывается, он периодически скупал у моей матери драгоценности, причем нещадно ее обдуривал. Элеоноре на старости лет пришлось распродать фамильные украшения, чтобы прокормить себя и внучку, ту самую, что потом выгнала ее из дома... Вот поэтому я сомневаюсь, что от княжеского наследства что-то осталось, кроме пары паршивых колец...

– Но на этой паре вы все-таки настаиваете? – улыбнулся Петр.

– Настаиваю. А знаете почему? Потому что был в коллекции бабкиных цацок один комплект – кольцо, серьги, перстень, – который передавался из поколения в поколение всем старшим дочерям клана Шаховских... Это был символ, талисман, если хотите, – по семейному преданию, этот комплект приносил счастье всем его обладательницам. Шаховские считали, что именно благодаря комплекту самыми талантливыми, удачливыми в браке, плодовитыми и здоровыми были старшие дочери... Но в семье моего прадеда девочек не было вообще, поэтому гарнитур унаследовал материн

отец Григорий Шаховской, а он, в свою очередь, подарил его своей юной супруге на свадьбу... Ей он, правда, удачи не принес, она умерла молодой... – Эдуард сделал паузу, потом добавил: – Но гарнитур сохранился до наших дней. Я его видел. Он безумно красив, особенно кольцо: три чистейших бриллианта на витой золотой цепочке... Изысканная простота... Элегантная роскошь... Браслет и кольцо в том же стиле: крупные камни в скромной оправе. Именно об этом гарнитуре вспоминала недавно Фроська – Элеонора любила обвешивать внучку этими побрякушками, приговаривая: «Когда я умру, они станут твоими!» Она обожала Фроську, потому что девчонка на нее жутко похожа, просто одно лицо, мать еще говорила, что именно в ней сосредоточились все фамильные черты Шаховских-Анненковых...

Он замолчал и, грустно улыбнувшись, опустился на диван. Петр тоже безмолвствовал, видно, обдумывал рассказ Эдуарда Петровича, зато Аня все уже решила и заявила:

– Если я найду этот комплект, то передам его дочери Элеоноры Георгиевны... Раз драгоценности фамильные, ими должна владеть настоящая Шаховская... Только не эта ваша Фрося, ей я их ни за что не дам...

– Елена – приемная дочь Элеоноры Георгиевны, именно поэтому мать ей драгоценности и не даровала...

– И что же делать?

– Не делить шкуру неубитого медведя, – строго сказал адвокат. – Пока вы унаследовали лишь квартиру, ни о ка-

ких фамильных драгоценностях речи не идет, и мой вам совет, забудьте эти глупости... – Он ободряюще ей улыбнулся и добавил: – В права наследования вы вступите только через полгода, но переезжать можете уже недели через две. На этом Элеонора Георгиевна настаивала. Почему-то ей хотелось, чтобы вы въехали в квартиру сразу после ее смерти... Сразу, конечно, не получится, но пару недель спустя, когда страсти поутихнут, пожалуйста. Ключи я вам дам.

– Но как же? – Аня по-коровьи захлопала глазами. – Сами же говорите, что в права я вступлю только через полгода... А вдруг...

– Никаких вдруг! – отрезал Петр. – Если пристанет участковый, посылайте его ко мне! Всех остальных, типа управдома, к черту.

– Может, все же подождать...

– Везжайте, устраивайтесь, обживайтесь и ни о чем не думайте!

Часть II

Наследница

День первый

Аня

Аня переехала в квартиру Элеоноры Георгиевны спустя две недели. Она хотела выждать положенные полгода, но адвокат Моисеев, он же Давид, он же Адонис, он же Аполлон Бельведерский, заверил ее, что ждать совсем не обязательно и она смело может вселяться – проблем не будет. Анна послушалась и, собрав свои немногочисленные пожитки, съехала со старой квартиры.

И вот теперь она стояла посреди бабулиной комнаты, сжимая в одной руке чемодан с вещами, а другой поддерживая чахлый фикус, единственное растение, выжившее в ее коммуналке. Стояла и не знала, с чего начать обустройство. Вот вроде бы и пришел ее звездный час, но радости почему-то не было...

«Для начала надо разложить вещи, – решила Аня. – Или сперва надо убраться? А может, перво-наперво помыть ок-

на... Нет, окна мыть рано – еще только начало марта»... От растерянности Аня чуть не заплакала, но вовремя взяла себя в руки и, поставив фикус на широкий подоконник, пошла в ванную за половой тряпкой. Первое, что надо сделать, – это вымыть пол, хотя бы для того, чтобы меловой трафарет в прихожей больше не напоминал о трагедии, второе – вытряхнуть дорожки и покрывала, третье – начистить унитаз с раковинами, а уж потом разбирать вещи.

Когда полы были вымыты, дорожки пахли талым снегом (Аня выбивала их на снегу), а унитаз сверкал, Аня взялась за свой чемодан.

Из старой квартиры она забрала только свою одежду, постельное белье, фотографии, цветов и скатерть, все остальное выкинула на помойку (кроме шкафа, его она просто задвинула в угол комнаты), так как тот хлам, что ей достался в наследство от матери, годился только для растопки печи. Конечно, в бабулиной квартире мебель тоже ветхая, но хотя бы чистая и без плесени. В недалеком же будущем Аня планировала приобрести кухонный гарнитур и телевизор, тех денег, которые она выручила за сдачу своей комнатенки в наем, должно хватить на первый взнос. Да, на ее хибару еще кто-то позарился! С ума сойти! Какое счастье, что есть люди из кавказских республик, которые готовы платить за аренду даже таких убогих жилищ, как Анина комнатка.

Потом можно будет диван купить. И новый холодильник – лишь бы жильцы не отказались от ее халупы и исправно за

нее платили. Но для начала необходимо сделать ремонт.

– Я все здесь переделаю! – возбужденно шептала Аня, деловито выбрасывая из чемодана свои вещи. – Поклею веселые розовые обои. Двери выкрашу белоснежной краской! Повешу на окна цветастые занавески! И заведу кота!

Кстати, надо спросить у Петра-Аполлона, можно ли делать ремонт в квартире, которой еще формально не владеешь – хороший повод для звонка...

Аня обхватила руками стопку простыней, намереваясь положить их в шкаф, но не донесла – уронила (от возбуждения ее потряхивало). Собрав с пола белье, она засунула его на пустую полку и собралась уже захлопнуть дверцу шкафа, когда увидела в одном из ящиков стопку фотографий. Отряхнув руки, она бережно взяла снимки. Поднесла их к свету и с интересом стала разглядывать.

На первой фотографии была изображена красивая молодая женщина с волнистыми белокурыми волосами. Женщина была так хороша, что Аня даже подумала, будто это какая-то артистка советского кино, но, перевернув фотографию, прочитала: «Лина. Москва. 1950». Так это Элеонора Георгиевна? Вот это да! Оказывается, в молодости она была не просто привлекательна, а ослепительно хороша. Теперь понятно, в кого пошла эта злочка Фрося...

На следующих снимках тоже была Лина, запечатленная в разные годы своей жизни. На всех она удивительно хорошо смотрелась. Ей шли все прически, будь то гаврош, начес, ба-

бетта или каре. И все мужчины. Рядом с Линой постоянно фотографировались какие-то дядьки, не исключено, что мужья или любовники, и все они, абсолютно разные, одинаково выгодно оттеняли ее безупречную красоту. Одного из кавалеров Аня даже узнала, это был тот старик с розой, что приходил на кладбище, только на фотографии он был лет на сорок моложе, сущий пацан, но очень симпатичный.

Пересмотрев всю стопку, Аня отложила одну из фотографий, на ней Элеонора была изображена в полный рост. В длинном платье, с высокой прической и сверкающим колье на шее, она была похожа на принцессу. Или Снежную королеву – такая же безупречная, такая же холодная и одинокая... Аня не стала убирать эту фотографию вместе с другими в шкаф, она поставила ее на столик, дав себе задание купить для нее красивую рамочку.

Аня вернулась к шкафу, распахнула створки одежного отделения. Оно оказалось полупустым: заняты были только три вешалки. На них болтались сильно поношенные платяница из ситца, две полушерстяные кофтенки, зимнее пальто и старый-престарый плащ фасона макинтош. Все это барахлишко Аня сняла с вешалок и сложила в два бумажных пакета, чтобы выбросить на помойку – такое даже благотворительная организация не возьмет, уж очень оно ветхое.

Оттащив пакеты в прихожую, Аня вернулась к шкафу, раскрыла антресоли. Они были пусты, только в одном ящике нашлось два старых полиэтиленовых пакета, связанных друг

с другом за оторванные ручки. Аня достала их, развязала, один положила на стол, второй тряхнула за дно. На пол, блестящей струйкой, стек кусок атласа нежно-голубого цвета. Девушка подняла его, развернула. В ее руках оказалось платье необычного фасона: длинное, узкое, с рукавами-крыльями и глубоким, чуть ли не до пояса, вырезом. На спине имелся целый ряд маленьких перламутровых пуговиц, по подолу шла вышивка, а на талии болтался широкий, более темный, чем само платье, кушак. Наверное, в этом туалете Элеонора Георгиевна Новицкая ходила на приемы. К нему бы туфельки на тонком каблучке, чулочки со стрелками, а к поясу приколот букетик фиалок...

Тут Аня вспомнила про второй пакет, развернула его. В нем оказались туфельки с тонкими каблучками, именно такие, о каких она подумала: изящные синие босоножки с закрытым носиком, изготовленные из нежнейшей, похожей на атлас кожи. Аня примерила их, но выяснилось, что у Элеоноры Георгиевны была ножка Золушки, размера тридцать пятого, не больше, не то что у нее самой: полный тридцать девятый, а зимой, на носок, сороковой...

А вот платье подошло – Аня натянула его свободно, только пуговицы застегнуть не смогла, неудобно самой. Элеоноре наверняка кто-то из домочадцев застегивал, уж очень маленькими оказались петельки. Но Аня решила проблему при помощи кушака, обернула его дважды вокруг талии, подчеркнув тем самым... (хм-м!) фигуру.

Вырядившись в чужой туалет, она подошла к мутному от времени зеркалу, посмотрела на свое отражение. Выглядела она смешно. Как ряженая обезьянка из цирка. Роскошный наряд не делал ее красивее, наоборот, подчеркивал убогость. На голубом фоне ее кожа казалась чересчур бледной, а волосы не шли ни в какое сравнение с атласом: он блестящий, струящийся, они тусклые, висящие сосульками вдоль худого лица...

Аня скосила глаза на фотографию Элеоноры. Похоже, на ней она именно в этом платье: та же линия кроя, то же декольте, тот же пояс, но никаких фиалок в качестве украшения, только драгоценности. Одна вещь, а как по-разному смотрится...

Аня встала так же, как Элеонора: плечо вперед, одна рука согнута в локте, ладонь на талии, вторая спокойно лежит на бедре, голова чуть повернута вбок и вверх. Получилось похоже, только как она шею ни вытягивала, горделивого вида не добилась. Не было между Аней и Линой ничего общего – ее даже дешевой копией не назовешь, карикатура! – разве что уши одинаковые. Но вот они как раз Элеонору не красили: маленькие, плотно прижатые к голове, а мочки торчат, как бы завиваются вовнутрь. Аня своих ушей немного стыдилась, а Новицкая, видно, нет, раз выставляла их напоказ...

Аня бросила последний взгляд на дешевую копию шедевра, то есть на свое отражение, и стала раздеваться. Сняв платье, она не кинула его в пакет, а водрузила на вешалку и обра-

ла в шкаф. Туфельки поставила под ним, аккуратно, носик к носику. Закрыв дверку шкафа, она решила попить чаю.

Для этого прошла в кухню, где поставила на электроплитку чайник, и занялась поисками заварки. Аня знала, что бабуля любила покупать чай про запас, поэтому была уверена, что, порывшись в подвесном шкафчике, найдет пачку «Ахмата» (плохого чая Элеонора не признавала). Как и ожидалось, чай нашелся. Осталось взять чашку. Но, к удивлению Ани, чашек в доме не было ни одной. Имелись только стаканы с подстаканниками. Ну что ж, попьем из стакана, хотя из чашки, по Анинуму мнению, прихлебывать чай гораздо удобнее.

Пока вода закипала, Аня взялась разглядывать подстаканники – уж больно любопытные узоры на них были выбиты. Она еще раньше, когда они с бабуей Линой чаевничали, заметила их необычность, но рассмотреть получше у нее как-то не получалось. Аня поскребла ногтем круглый бок одного из подстаканников, они все были какие-то темные, будто грязные, но оказалось, что серый налет – это не грязь, а что-то другое... Если бы Аня не была уверена, что они сделаны из нержавеющей стали, то сказала бы, что подстаканники окислились... Хм... Чем же это оттереть? Тут Аня наткнулась взглядом на пузырек нашатыря, позабытый врачами «Скорой помощи»: может, им попробовать? Она слышала, что серебро чистят нашатырем, вдруг и подстаканники отчистятся?

Накапав на ватку небольшое количество спирта, Аня на-

чала тереть. Как же она удивилась, когда выяснилось, что серый налет очень даже быстро сходит. Буквально через пять минут подстаканник сверкал так, что Аня зажмурилась. Оказалось, что он не однородно-серебристый, в центре узора, сотканного из переплетенных между собой листьев, имеется цветок из желтого металла. Это было очень красиво!

Аня перевернула подстаканник, чтобы протереть его дно, и с удивлением обнаружила на нем буквы «Апексимов» и цифры «1846» и «98». Неужели 1846 это год изготовления? Тогда что такое 98? Проба? Но Аня только знала 985 для серебра и 585 для золота. Однако до революции драгметаллы могли клеймить по-другому, так что все может быть...

Отставив подстаканник в сторону, Аня распахнула дверцы шкафчика и начала вытаскивать из него все имеющиеся там столовые приборы. Так, ложки, вилки – эти явно копеечные; сахарница, на ней даже цена стоит «3-50»; вот небольшая вазочка из бронзы, наполненная лимонной карамелью, на вид дешевка дешевкой, но на доньшке выбит замысловатый иероглиф, не исключено, что вещь дорогая, ее она оставила в сторону... Так, что там еще? О! Какая милая солоночка. Правда, грязная (создавалось впечатление, что ее специально заляпали жиром), но оригинальная: сделана в форме яичка, стоящего на подставке. Аня повертела солонку в руках, приблизила вплотную к глазам и не поверила им, когда прочитала на доньшке: «Фаберже». Фаберже! Вот это да! Аня, конечно, не была знатоком антиквариата, но фамилию

известного француза слышала не раз...

Аню охватило какое-то лихорадочное волнение. Что ей теперь делать с этим богатством? Пользоваться такими дорогими вещами она не станет из страха их попортить. Может, отчистить и поставить на видное место, пусть люди любят-ся... Э, нет, люди полюбуются да, чего доброго, и сопрут...

Что же тогда с ними сделать?

«Продать! – неожиданно решила Аня. – А на вырученные деньги купить косметику! Много, много косметики и туфли синие, под платье, только своего размера! А еще занавески и палас. Или на палас не хватит? Или хватит еще и на диван?» Боже, она совсем не ориентировалась в ценах на антиквариат... Впрочем, на диваны тоже. Она знала только, сколько стоят элементарные продукты питания и проезд в метро.

Надо все выяснить! Немедленно! Аня резко сорвалась с места, схватила полиэтиленовую сумку, висящую на ручке двери, сгребла в нее подстаканники, солонку и конфетницу, бросилась было вон из кухни, но затормозила у самого порога. Чего же она делает, хулиганка? Ведь она еще не владеет ни квартирой, ни мебелью, ни чашками-плошками... Все это пока не ее! А она уж распоряжается... Нахалка! Вот отсудят у нее все это добро злющие Элеонорины внуки, что она тогда будет говорить? Простите, извините, но подстаканнички я загнала, не обессудьте...

Аня тяжело опустилась на стул, не зная, что делать. Так бы и просидела до вечера, если бы в дверь не позвонили.

– Кто там? – крикнула Аня через всю квартиру. Она была уверена, что это соседи-алкаши пришли побираться – больше к ней в гости зайти было некому.

– Откройте, милиция, – раздался в ответ грозный голос следователя Стаса, его бас ни с чьим не спутаешь.

Аня побежала открывать. Поколдовав над четырьмя замками, она распахнула дверь. На пороге, как она и предполагала, стоял Стас, усы его, как у мультяшного Бармалея, торчали, брови были нахмурены, а взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Можно? – хмуро спросил он и, не дождавшись разрешения, проник в прихожую.

– Входите, – нервно сглотнув, проговорила Аня.

– Въехала уже? А не рановато?

– Мне адвокат сказал, можно...

– Ну раз адвокат сказал, тогда конечно... – Стас озабоченно осмотрелся. – Куда я могу пройти?

– В кухню. Я как раз чай пить собралась, будете?

– Давай, – кивнул он и, не разуваясь, прошлепал в кухню.

– Только у меня одна карамель. Лимонная, – Аня ткнула пальцем в горку конфет, вываленных из вазочки прямо на стол. – Хотите?

– Хочу, – буркнул он, усаживаясь на табурет.

Аня засуетилась у плитки, а Стас, подперев худую щеку кулаком, задумчиво протянул:

– Значит, ты теперь у нас богатая невеста...

– Что? – испуганно пискнула Аня, чуть не выронив из рук заварной чайник.

– Богатая ты теперь, говорю, невеста. С квартирой, с садом...

– И кирпичным сараем, – машинально добавила она.

– Обалдеть!

– Вы издеваетесь надо мной?

– Завидую! Я вот сорок лет на свете живу, пятнадцать в милиции работаю, скольким людям за время службы помог, и хоть бы одна сволочь отблагодарила... Нет, взятки, конечно, предлагают, но чтоб от чистого сердца...

Он замолчал, нервно барабаня пальцами по столу, и это молчание пугало даже больше, чем его издевательские речи.

– Вы пришли меня арестовывать? – сиплым от испуга голосом произнесла Аня.

– Чего? – обалдел он.

– Вы хотите обвинить меня в убийстве... Все думают, что это я...

– Кто все?

– Все, – выдохнула Аня и разрыдалась.

– Вот дурочка! – выругался Стас, доставая из кармана мятый, пахнущий бензином платок и протягивая ей. – Вытрись! Вытрись, говорю, и перестань реветь... Никто тебя не подозревает, ясно?

Аня перестала всхлипывать, утерла нос платком, подняла на Стаса влажные глаза и кивнула.

– То-то, – пророчал он. – А то разревелась... У тебя ж алиби, соображать надо...

– А, может, вы думаете, что я того... наняла кого-нибудь...

– Наняла! – передразнил он. – Да кого ты наймешь. У тебя ни денег, ни знакомых, проверили уже...

– А зачем же вы пришли?

– Так просто. Проведать.

– М-м-м, – удивленно промычала Аня, прозвучало это не очень красиво, поэтому она решила больше не мычать, а завести светский разговор. – И как следствие, продвигается?

– Хреново продвигается... – Он недовольно пошевелил усами. – Улик нет, свидетелей тоже, а подозреваемые та-а-а-акие люди, что к ним на драной козе не подъедешь... Это ж надо! Семейка подобралась! Мафик, депутатша, поп-звезда и олигархова подстилка... И как с ними разговаривать?

– То есть подозреваемых четверо?

– Пятеро. Есть еще братец, Сергей Георгиевич Отрадов, темная лошадка, мать его... Ты его, наверное, видела. Старикашечка такой в заношенном полуперденчике, неимуший пенсионер, ядрена вошь... А у самого в Светлогорске (это под Калининградом) вилла, в столице у него бизнес, капиталы за границей, а налоги не платит ни тут, ни там... Как выяснилось, большой зуб на сестренку имел, но предъявляет железное алиби на момент убийства, только, сдается мне, крутит он что-то... – Стас поерзал на табурете. – Я вот ведь

чего пришел... Ты всех их видела, так?

– Дочь не видела, она ни на похороны, ни на оглашение завещания не приходила...

– Понятное дело... Елене Бергман рисоваться ни к чему. В ее официальной биографии говорится, что родители ее давным-давно умерли, а теперь, вишь, что оказывается... Бросила старуху-мать... Не помогала, не навещала... Да...

– И о чем вы хотели меня спросить?

– Мне вот что интересно... – Он нервно облизнул свои тонкие губы. – Это не для протокола, а так, между нами, девочками... На твой взгляд, кто из них мог Элеонору Георгиевну убить?

– Никто, – испуганно выкрикнула Аня.

– Они так тебе понравились?

– Наоборот, они мне жутко не понравились... Особенно внуки, они чуть не перегрызлись в кабинете... А как они бабу Лину ненавидели! Ужас! И Сергей этот странный какой-то... Как робот. Придет, сядет, встанет и ни словечка...

– А сын Элеоноры Георгиевны? Как он тебе показался?

– Эдуард Петрович? Хороший дяденька, вспыльчивый, правда, грозный, но справедливый... И сразу видно, честный человек!

– Это Вульф-то честный? – захохотал Стас. – Да ты, Аня, совсем в людях не разбираешься! Он вор в законе! Преступный авторитет!

– Эдуард Петрович? – не поверила Аня. – Вор?

– И убийца. Двоих убил самолично, за что, собственно, и сидел, еще нескольких убрал чужими руками...

– Как это?

– Киллера нанял, как же еще! Так что бабу, скорее всего, он замочил, но не сам, сам он давно рук не марает...

– Это не он! – неожиданно для себя вскипела Аня. – Не он! Он ее хоронил! Он любил ее... по-своему... Он не мог...

– Что бы ты понимала, – с грустью проговорил Стас, совсем не обидевшись на Аню за ее вспышку. – Мафики, они и не такое могут...

Аня, нахохлившись, уселась на табурет, ей не нравилось, что Стас обвиняет Эдуарда Петровича бездоказательно, в конце концов, нет ни одного факта, подтверждающего, что Элеонору Георгиевну зарезал собственный сын, вот и нечего на человека наговаривать. Пока она дулась, Стас развернул одну карамельку и сунул ее в рот. Почмокав, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.